

МАТТЕО СТРУКУЛ

МЕЦЕНАТЫ
И ПОКРОВИТЕЛИ
ИСКУССТВА.
ОХВАЧЕННЫЕ
ЖАЖДОЙ
ВЛАСТИ.

МЕДИЧИ

ВЛАДЫКИ ФЛОРЕНЦИИ

18+

Маттео Струкул
Медичи. Владыки Флоренции
Серия «The Big Book.
Исторический роман»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74188631

Медичи. Владыки Флоренции: СПб; 2026

ISBN 978-5-389-34570-6

Аннотация

Великая притча эпохи Возрождения, рассказанная через эпическую сагу семьи Медичи, оставившей неизгладимый след в европейской истории. От истоков амбициозного рода банкиров до человека, воплотившего идеалы гуманизма эпохи Ренессанса, и двух великих итальянских королей Франции.

Книга 1. **Вхождение во власть.** Флоренция, 1429 год. Джованни де Медичи создал один из самых могущественных банков мира. После его загадочной смерти сыновья, Козимо, утонченный ценитель искусства и проницательный политик, и Лоренцо, хладнокровный делец и воин, должны сделать все возможное, чтобы перехитрить врагов и защитить семью. На плечи Козимо ложится ответственность за всю империю Медичи. Он не жалеет средств как ради красоты и величия Флоренции, так и для защиты ее политических интересов.

Тем не менее враги, влиятельные члены городского совета, предводительствуемые Ринальдо дельи Альбицци, и герцог Милана не дремлют. Каждый день братья Медичи сталкиваются с убийствами, предательством и смертельными интригами... Они пытаются найти убийцу своего отца и спасти честь семьи, но смогут ли сами прожить достаточно долго?..

Книга 2. **Великолепный диктатор**. Флоренция, 1469 год. Подготовка к свадьбе Клариче Орсини и Лоренцо де Медичи, внука Козимо, идет полным ходом. Сердце Лоренцо принадлежит Лукреции Донати, но он вынужден заключить династический брак с девушкой из влиятельной римской семьи, чтобы укрепить позиции дома Медичи. Долг и власть превыше счастья. Лоренцо Великолепный становится фактическим правителем Флоренции. Его лучший друг – Леонардо да Винчи. Однако жизнь никогда не бывает простой в смертельно опасном мире флорентийской политики. И вот уже Джироламо Риарио, племянник папы Сикста IV, преуспевает в организации масштабного заговора. На глазах у Лоренцо зверски убит его брат Джулиано. Великолепный диктатор оказывается вовлечен в порочный и кровавый круговорот событий...

Захватывающий цикл исторических романов о самой могущественной семье в Италии XV века для поклонников сериалов «Тюдоры» и «Борджиа».

Содержание

От автора	7
Книга 1. Вхождение во власть[3]	11
Февраль 1429	11
1. Санта-Мария дель Фьоре	11
2. Смерть Джованни де Медичи	17
3. In cauda venenum[5]	23
4. Последняя воля	27
5. Ринальдо дельи Альбицци	36
6. Парфюмерша	45
7. Вера и оружие	53
Август 1430	62
8. Важный разговор	62
9. Поле боя	70
10. Происхождение обязывает	75
11. Триумф	81
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Маттео Струкул Медичи. Владыки Флоренции

Matteo Strukul

I MEDICI: UNA DINASTIA AL POTERE

Copyright © Newton Compton editori s.r.l., 2016

I MEDICI: UN UOMO AL POTERE

Copyright © Newton Compton editori s.r.l., 2016

All rights reserved

Печатается с разрешения автора и литературного агентства BAROR INTERNATIONAL, INC., Armonk, New York, U.S.A.

Издательство выражает благодарность литературному агентству Nova Littera за содействие в приобретении прав.

© С. Б. Воловик, перевод, 2026

© И. М. Аванесян, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУ-КА», 2026

Издательство Азбука®

От автора

Написание исторической тетралогии, такой как эта, предполагает, как легко можно понять, безумное и отчаяннейшее, как сказал бы Джакомо Леопарди, изучение материала, потому что каждая деталь, каждая сцена, каждая характерная черточка и традиция той эпохи должны быть изучены, обдуманы и реконструированы задолго до того, как их можно будет облечь в слова.

Не будет излишним напомнить, что рассказ о деяниях Медичи влечет за собой, учитывая временные рамки, повествование о периоде, включающем в себя почти три сотни лет: с начала XV века и до XVIII века; и это только то, что касается эпохи, когда Медичи правили во Флоренции, иначе хронологические рамки были бы намного шире.

Этот факт определил неизбежный выбор: первый роман посвящен фигуре Козимо Старшего (Cosimo il Vecchio), второй – Лоренцо Великолепному, третий – Катерине Медичи, королеве Франции, четвертый – Марии Медичи, первой королеве-консорте Франции.

Придерживаясь подобного подхода к рассмотрению событий, я счел уместным избрать форму повествования, разбитую на картины. Это показалось мне единственной возможностью, позволяющей охватить большой промежуток времени, не опасаясь потерять нить изложения.

Сюжетная линия этой серии книг строилась на внимательном и неоднократном прочтении «Истории Флоренции» Никколо Макиавелли («*Istorie Fiorentine*» di Niccolò Machiavelli) и «Истории Италии» Франческо Гвиччардини («*Storia d'Italia*» di Francesco Guicciardini). Выбор был продиктован желанием придерживаться летописей, позволяющих максимально приближенно передать язык, настроение и дух времени. К этому послужившему отправной точкой подходу я добавил, чтобы подкрепить и оживить мои рассуждения видами площадей и куполов, соборов и дворцов, несколько «паломничеств» во Флоренцию – потому что это место и есть История.

И к слову о куполах: только первая глава, в которой речь идет о строительстве чуда ренессансной архитектуры, купола Санта-Мария дель Фьоре, работы над которым возглавлял Филиппо Брунеллески, потребовала тщательнейшего и глубокого изучения. Среди многочисленных монографий, к которым я обращался, упомяну работы Эудженио Баттисти «Филиппо Брунеллески» (Нью-Йорк, 1981) и Росса Кинга «Собор Брунеллески. История великого флорентийского собора» (Нью-Йорк, 2000).

То же самое я мог бы сказать и о сражении при Ангьяри, еще один безусловно важный отрывок, описанный в первой книге, посвященной восхождению к власти Медичи. Признаться, я позволил себе здесь некоторую свободу, и вам при желании не составит труда узнать, в чем она состояла; это,

наверное, единственная вольность, допущенная мною по отношению к истории. С другой стороны, автор должен же и придумывать что-то, и именно в этой смеси правдоподобия и *inventio*¹ заключается совершенно особенная магия, свойственная историческому роману.

В любом случае военные техники и некоторые батальные сцены битвы при Ангьяри реконструированы автором очень тщательно и в строгом соответствии с источниками. Среди монографий, к которым я обращался, хотелось бы отметить Массимо Предонацци «Ангьяри 29 июня 1440 года. Сражение, иконография, наемные войска, геральдика» (Сан-Марино, 2010).

Еще одним ключевым вопросом было изучение наемных войск и особых отношений, связывающих в эпоху Возрождения господ и наемных капитанов. Военное ремесло, цитируя Эрманно Олми, было широко распространенным и прибыльным в то время, по крайней мере для тех, кто обладал достаточной смелостью и беспринципностью, меняя хозяев. И в этом отношении для меня имела фундаментальное значение книга Гимела Адара «Истории о мерсенариях и капитанах удачи» (Женева, 1972).

Кроме того, должен подчеркнуть, что вряд ли бы мне удалось дуэльные и батальные сцены без изучения учебников по историческому фехтованию и в особенности книги Джакомо ди Грасси «Принципы безопасного использования ору-

¹ Выдумка (лат.).

жия как для атаки, так и для нападения; использование приемов фехтования и методов самостоятельной тренировки для обретения силы, умения принимать верные решения, ловкости и быстроты» (Венеция, 1570) и Франческо ди Сандро Альтони «Дуэль. Трактат об искусстве фехтования» (ред. Алессандро Ваттистини, Марко Рубболи, Якопо Винни; Сан-Марино, 2007). Что не помешало мне добавить к традиции немного современных ноток, поэтому термины использованы не всегда в своем привычном значении. Надеюсь на ваше снисхождение и прощение.

Также и в части того, что касается временной последовательности моей подачи: я предпочел прибегнуть к приему *cosmesi*², жертвуя иногда точностью для облегчения чтения и понимания... однако, надеюсь, читатель простит мне эти небольшие огрехи.

² Украшения (*ит.*).

Книга 1. Вхождение во власть³

Сильвии

Февраль 1429

1. Санта-Мария дель Фьоре

Он устремил взор в небо. Казалось, там рассыпали лазуритовую пыль. На мгновение ощутил, как мысли начинает вытеснять стремительно подступающее головокружение.

³ Перевод Светланы Воловик.

Опустил голову, огляделся. Его внимание привлекли каменщики: они готовили раствор для кладки, смешивая известь с белым песком реки Арно. Некоторые, примостившись на устроенных между внутренним и внешним сводами перегородках, на скорую руку завтракали. Трудились на износ, от зари до зари, нередко мастерам случалось проводить на стройке дни и недели напролет и спать посреди строительных лесов, мраморных плит, кирпичей и кусков штукатурки.

Более чем в сотне локтей от земли.

На деревянных мостках, похожих на черные острые зубы сказочного чудовища, Козимо появился неожиданно. Передвигался он осторожно, внимательно следя за тем, чтобы не оступиться. Когда-то, в самом начале работ, этот непривычный вид сверху на такой знакомый город завораживал его, ошеломлял.

Он медленно приблизился к основанию строящегося купола – барабану, как его называли архитекторы и старшие над мастерами. Окинул взглядом площадь у собора: собравшиеся там жители Флоренции, вытаращив от изумления глаза, разглядывали Санта-Мария дель Фьоре. Чесальщики, торговцы, мясники, крестьяне, женщины легкого поведения, трактирщики, странствующий люд – все они словно застыли, вознося в небеса немую молитву, дабы проект Филиппо Брунеллески наконец воплотился. Долгожданный купол уже начинал обретать форму, и преуспеть в этом, наверное, могли лишь этот безумный золотых дел мастер с залысынами, гни-

лыми зубами и взрывным темпераментом.

Козимо увидел его: тот, словно неприкаянный, бродил среди нагромождений строительных материалов и сложенных столбиком кирпичей – погруженный в свои мысли, с почти отсутствующим взглядом, однако на самом деле во власти никому неведомых вычислений и расчетов. Лицо еголучилось: глаза были такие светлые, что походили на капли алебаstra, искрившиеся на белой, забрызганной краской и строительной крошкой коже.

Из этого часто случавшегося состояния отрешенности зодчего вывела песнь молотков. Это не покладая рук трудились кузнецы. Отовсюду доносились голоса, раздающие советы и указания. Козимо глубоко вдохнул, перевел взгляд вниз, к основанию восьмиугольной конструкции. Там, не останавливаясь, крутилась вокруг своей оси придуманная Филиппо Брунеллески гигантская лебедка. Приводили ее в движение два вола на цепи. Ведомые молоденьким подмастерьем, они флегматично и беззвучно шествовали по кругу и этим вращательным движением запускали в действие зубчатые колеса и шестеренки, что находились в центральной части лебедки, и таким образом отрывали от земли тяжеленные каменные плиты, поднимая их на такую высоту, куда иным способом доставить их было бы совершенно невысказанно.

Брунеллески изобрел удивительные машины, спроектировал их, пригласил лучших мастеров и, не давая им отды-

ха, получил целый арсенал невиданных доселе механизмов, благодаря которым можно было поднимать и перемещать в точно заданные места мраморные плиты, части деревянных ребер и «цепей» для устройства поперечных колец, десятки мешков с песком и известковым раствором.

Козимо, наблюдавшему за размахом и слаженностью работ, хотелось крикнуть во всю мощь легких – дать выход радости и удовлетворению. Никто прежде и помыслить не мог о подобном восьмигранном куполе, никто! Перекрыть пространство длиною в шестьдесят два локтя уже казалось чудом, а здесь пролет, над которым возводили спроектированную Филиппо конструкцию, был еще больше, да и к тому же не имел каких-либо видимых опор. Никаких внешних контрфорсов, ни встроенного деревянного каркаса, как предлагал его предшественник Нери Фьораванти. В Опера-дель-Дуомо⁴, заказавшей строительство купола, увидев проект, от изумления открыли рты.

Брунеллески был гением или безумцем. Хотя, может, и то и другое. А Медичи приняли с распростертыми объятиями и его гениальность, и его безумие! И первым – Козимо. Он улыбнулся при мысли об этой своей отчаянной смелости и подумал, что возведение сего величественного свода станет значимым событием не только для города, а и лично

⁴ *Опера-дель-Дуомо* (Opera del Duomo) – соборная мастерская, она же строительная комиссия, основанная Флорентийской республикой в 1296 г. для надзора за строительством нового собора и его колокольни. Дуомо – главный собор города. – *Здесь и далее примеч. перев.*

для него. И, судя по тому, что происходило наверху, было от чего прийти в безудержный восторг, особенно наблюдая, как с каждым днем восьмигранная громада тянется ввысь, — что-то вроде сошедшей с ума Вавилонской башни, меж платформ и помостов которой суетилось бесчисленное множество мастеров: возчики, каменщики, канатчики, плотники, кузнецы, а еще трактирщики, что подвозили вино, и даже повар: он выпекал здесь же свежий хлеб — его раздавали во время коротких перерывов рабочим. Некоторые сейчас взбирались по подвесным деревянным лесам, другие трудились на плетеных ивовых платформах, которые, возвышаясь над крышами окрестных домов, казались птичьими гнездами — словно люди просили аистов помочь им воплотить в жизнь сие грандиозное творение.

— Что скажете, мессер Козимо?

Тонкий, но твердый голос принадлежал Филиппо.

Козимо почти рывком обернулся и оказался лицом к лицу с худым, похожим на призрак Брунеллески. Глаза его лихорадочно блестели; из одежды — только красная туника. Взгляд беспокойный — смесь гордости и враждебности, свидетельствующие о бунтарском и взрывном характере, — который тотчас же смягчался, как только гениальный зодчий видел перед собой человека выдающегося ума.

Козимо не знал, относил ли его самого Брунеллески к этой когорте, однако то, что он являлся старшим сыном Джованни Медичи, родоначальника семьи, которая без каких-ли-

бо условий поспособствовала финансированию и строительству купола и более других благоволила кандидатуре зодчего, сомнению не подлежало.

– Хочу внести ясность: до завершения еще далеко. Самое главное, мессер, – дабы мне было дозволено работать.

– Пока среди главных меценатов этого чудо-купола будут Медичи, тебе ничего не грозит. Вот тебе мое слово, Филиппо. Вместе начали, вместе и закончим.

Брунеллески кивнул:

– А я уж постараюсь выполнить купол как предусмотрено проектом – согласно классическим архитектурным канонам.

– Не сомневаюсь, друг мой.

Взгляд Филиппо, пока он разговаривал с Козимо, блуждал по сторонам: с каменщиков, которые готовили раствор и укладывали один на другой кирпичи, переходил на кузнецов, чьи молотки стучали без устали; даже возчики, что внизу, на площади перед собором, перевозили на телегах мешки с известью, не ускользали от его внимания. В левой руке зодчий сжимал листок пергамента с одним из многочисленных подготовительных чертежей. В правой руке – долото. Кто знает зачем и что у него на уме.

Но таков уж он был.

Брунеллески, кивнув на прощание, так же внезапно, как появился, скрылся между деревянными балками и внутренним куполом, словно это колоссальное и беспокойное творение, пышущее жизнью и фонтанирующее энергией, погло-

тило его. А Козимо теперь мог видеть лишь внушительных размеров деревянные арки и слышать голоса, сопровождавшие подъем очередного груза лебедкой.

Вдруг за его спиной раздался резкий, срывающийся от волнения голос:

– Козимо!

Он, опершись об опоры помоста, обернулся и увидел, как к нему приближается его брат Лоренцо.

Козимо не успел даже поздороваться с ним.

– Козимо, наш отец умирает.

2. Смерть Джованни де Медичи

Едва он переступил порог комнаты – к нему, со следами слез на прекрасных темных глазах, устремилась Контессина. На ней было надето простое черное платье и тонкая, почти невесомая вуаль.

– Козимо... – прошептала она, оборвав фразу на полуслове, словно все силы ей приходилось употреблять, чтобы сдерживать плач. Ей хотелось быть сильной для любимого супруга. И у нее это получилось. Козимо обнял ее.

Через мгновение она высвободилась из объятий.

– Иди к нему, – произнесла, – он тебя ждет.

Козимо повернулся к Лоренцо и, первый раз за день, посмотрел ему прямо в лицо. С той минуты, как они спустились по строительным лесам к основанию собора Санта-Ма-

рия дель Фьоре и потом стремглав неслись к Виа Ларга, где над окрестными домами гордо возвышалась крыша палаццо Медичи, брат находился рядом.

Лоренцо кусал белоснежными зубами губы. Козимо видел, как он подавлен. И как невероятно хорош собой: казалось, обстоятельства не властны над его красотой, однако сейчас лицо брата омрачала печать страдания, а под бездонными зелеными глазами залегли темные круги. Ему не мешало бы отдохнуть, пронеслось в голове у Козимо. В последние дни, когда отец занемог, Лоренцо, не щадя сил и времени, взвалил на себя все заботы о банке. Человек деловой и прагматичный, не очень расположенный к искусствам и философии, однако с умом, бесспорно, живым и находчивым, при любой нужде он, нимало не колеблясь, брал на себя все семейные заботы и хлопоты. Козимо же, вместе с Опера-дель-Дуомо целиком посвятил себя куполу, возводимому над собором Санта-Мария дель Фьоре: следил за строительством и ходом работ. В семье ему отводилась роль стратега и политика; и в том и в другом он в полной мере проявлял себя щедрым меценатом и ценителем искусств. И хотя заказ на сооружение купола был совместным и, строго говоря, относился к ведению сугубо Опера-дель-Дуомо, вряд ли во Флоренции нашелся бы хотя один житель, который не знал, с каким жаром Козимо поддержал, а потом и всячески содействовал победившему в конкурсе Филиппо Брунеллески. Именно Козимо щедро выделял семейные средства, дабы финансиро-

вать сие совершающееся на глазах у всех чудо зодчества.

Козимо обнял брата.

Вошел в опочивальню.

Стены комнаты были обиты темной парчой. Тяжелые шторы на окнах задернули, так что контуры предметов едва различались в слабом и тусклом свете. Лишь блики от золотых подсвечников выделялись яркими пятнами. В воздухе стоял удушливый запах оплавившихся свечей.

Увидев потухший взгляд отца, его затуманенные смертью глаза, Козимо ясно осознал, что поправить уже ничего нельзя.

Джованни де Медичи, человек, благодаря которому семья оказалась на самой высокой ступени в городской иерархии, покидал этот мир. Его лицо, всегда такое решительное и непреклонное, казалось, внезапно накрыла серая, невесомая пелена слабости – бесплотная тень осознанного смирения, делавшая Джованни совсем непохожим на того властного человека, каким его знали. Именно это поразило Козимо более всего. Он не мог поверить в то, что лихорадка могла так скоротечно и с такой жестокостью поразить всего несколько дней назад сильного и полного решимости отца.

Посмотрел на мать: она сидела рядом с умирающим, держа его за руку. И хотя страдание наложило отпечаток на ее неброскую миловидность, Пиккарда была по-прежнему хороша собой: длинные черные ресницы с переливающимися на них, будто жемчужинки, слезами, плотно сжатые, алые,

словно окровавленное лезвие кинжала, губы.

Она прошептала его имя и умолкла – такими бесполезными казались ей любые слова.

Козимо перевел взгляд на отца и вновь задумался о настигшей того так внезапно и без какой-либо видимой причины болезни. А блуждающий взор Джованни остановился наконец на сыне, словно он только сейчас заметил его присутствие; в глазах мелькнули непокорные искорки. Даже ослабленный недугом, отец не желал сдаваться. Именно в это мгновение отличавшая его твердость духа придала ему, пусть даже в последний раз, сил. Опершись на локти и тяжело дыша, Джованни приподнялся и сел на постели, откинувшись на пуховые подушки, которые заботливо подоткнула ему под спину Пиккарда.

Козимо, давший себе клятву быть сильным, когда подойдет роковой час, не смог сдержать слез. Однако, устыдившись своей слабости, вытер глаза тыльной стороной ладони.

Приблизился к отцу.

Перед тем как оставить этот мир, Джованни хотел дать последний наказ. Он почти вплотную придвинулся к Козимо.

Старший Медичи не сводил темных глаз с сына. В бликах дрожащего света свечей погруженной в полумрак комнаты они сверкали, будто пуговицы из оникса.

Голос патриарха, когда он заговорил, звучал глухо и мрачно, словно тревожные раскаты далекого грома:

– Сын мой, обещай, что не посрамишь меня на политиче-

ском ристалище. Что жить будешь в сдержанности. Как простой житель Флоренции. Однако что в нужный час тебе достанет твердости действовать, как должно.

Слова слились в единый поток, и все же Джованни, собрав оставшиеся в эти последние мгновения земной жизни силы, произнес их отчетливо и ясно.

Козимо посмотрел в глаза отца, утонув в его темных, сверкающих зрачках.

– Обещай мне, – теряя силы, настойчиво повторил Джованни. Его пронизывающие насквозь глаза, казалось, хотели подчинить взгляд сына, а изгибы плотно сжатых губ подчеркивали исполненное решимости и серьезности выражение его лица.

– Обещаю, отец, – прерывающимся от волнения голосом без тени колебаний ответил Козимо.

– Теперь я могу умереть с миром.

Вымолвив последние слова, Джованни закрыл глаза. Скорбные складки на лице наконец разгладились – слишком долго длился этот поединок со смертью, пока он ждал своего обожаемого сына, дабы передать ему свой наказ.

В котором заключалось все, чем он жил и дышал: преданность своему городу и народу, умеренность и сдержанность в быту – богатств и возможностей безграничных напоказ неставлял – и, конечно же, упрямая, а порой безжалостная решимость.

Рука его сделалась холодной; а Пиккарда разразилась ры-

даниями.

Джованни де Медичи оставил этот бренный мир.

Козимо обнял мать. Почувствовал, как она слаба и беззащитна. По лицу его покатались слезы. Потом, нашептывая ей тихонько слова поддержки, разомкнул объятия, приблизился к отцу и закрыл ему глаза, навечно погасив еще недавно пламенеющий, полный жизни взгляд.

Лоренцо послал за священником, дабы тот совершил последний обряд.

Потом, увидев, что Козимо выходит, последовал за ним. Казалось, он никак не мог решиться заговорить с братом: боялся побеспокоить, однако Козимо сам кивнул ему, показывая, что готов выслушать.

– Говори, что за неотложные дела у тебя?

– По правде говоря, речь идет о нашем отце.

Козимо удивленно поднял брови.

– Я подозреваю, что его отравили, – так, чтобы никто из окружающих не услышал, произнес Лоренцо.

Это внезапное откровение поразило Козимо, словно удар молотом.

– Что? Как ты смеешь утверждать такое? – схватив Лоренцо за ворот, произнес он.

Тот, предвидя подобную реакцию, сжал его руки.

– Не здесь, – произнес он, понизив голос.

Козимо тотчас сообразил. Он вел себя словно незрелый юнец. Отпустил брата.

– Выйдем, – бросил коротко.

3. In cauda venenum⁵

Воздух в саду был еще прохладным.

На календаре – двадцатое февраля, и, хотя уже близилась весна, казалось, что небо не желало расставаться со своим мрачным нарядом, а в порывах стылого ветра над палаццо Медичи ощущалось дыхание смерти.

Из фонтана, устроенного в самом центре *hortus conclusus*⁶, били струи студеной воды: они отскакивали серебристым бисером от бортиков, а на поверхности чаши тут и там появлялась ледяная корочка.

– Ты понимаешь, о чем говоришь?

Козимо был в ярости. Он только что потерял отца, а сейчас вынужден выслушивать нелепые инсинуации о заговоре. Хотя чему удивляться? Отец обладал огромным влиянием, да и врагов себе нажил немало; а Флоренция, всем известно, являла собой гремучую смесь: квинтэссенция величия и власти, с одной стороны, и змеиное логово изменников – с другой, где семействам, имеющим значительные капиталы и влияние, не доставляло большой радости наблюдать за

⁵ Яд в хвосте (*лат.*) – неожиданный и неприятный поворот событий.

⁶ Закрытый сад (*лат.*) – обнесенный изгородью сад, символизирующий чистоту и невинность, образ которого восходит к Песни Песней; основной мотив в средневековой иконографии при изображении Мадонны.

стремительным взлетом человека, которому за каких-то двадцать лет удалось создать целую финансовую империю, чьи банки-филиалы открывались не только во Флоренции, но и в Риме, и в Венеции. Раздражало завистников и то, что отец всегда гордился своим простым происхождением и не желал отказываться от корней; к тому же банк Медичи не только не вступал ни в какие альянсы с влиятельными и знатными семействами, но и предпочитал окружать себя людьми обычными, держась в стороне от политики и высоких должностей. Визиты Джованни в палаццо делла Синьория⁷ можно было перечесть на пальцах одной руки.

Козимо покачал головой. В глубине души он и сам понимал, что предположения брата не беспочвенны. Однако если все обстояло так, как утверждал Лоренцо, то кто мог совершить подобное злодейство? И самое главное, как случилось, что яд оказался на столе отца? Поискал взглядом светлые, живые глаза брата. Замер на долю секунды, словно позволяя тому прочесть в своих бездонных, черных глазах терзающие его сомнения и призывая говорить.

– Не знаю, верно ли я поступил, поделившись с тобой, – все это по большей части лишь мои догадки, – начал Лоренцо. – И хотя у меня есть только одно доказательство, сомне-

⁷ Дворец, построенный в 1299–1324 гг. по проекту Арнольфо ди Камбио. Первоначально назывался палаццо деи Приори, поскольку в нем заседали приоры. В XV веке переименован в палаццо делла Синьория по названию главного административного органа Флорентийской республики. Сейчас называется палаццо Веккьо и является резиденцией муниципалитета Флоренции.

ния не оставляют меня – слишком уж внезапно и стремительно все произошло.

– В этом ты полностью прав. Однако как такое могло случиться? – воскликнул Козимо. – Яд, о котором ты говоришь, в еду мог положить только кто-то из домашних! Отец в последнее время из дому не отлучался, а даже ежели бы и вышел, не стал бы есть или пить вне родных стен.

– Да, я понимаю. Именно по сей причине, повторяюсь, все это – лишь мои подозрения. А с другой стороны, врагов у Джованни было предостаточно. И еще: я в самом деле пытался убедить себя, что мои домыслы – сплошное безумие, плод разыгравшегося воображения, однако вот что я нашел.

Лоренцо держал в руках гроздь темных ягод. Крупные, блестящие, они походили на черные жемчужины – соблазнительные и притягательные.

Козимо недоуменно взглянул на брата.

– Красавка, – произнес Лоренцо. – Растение с темными цветками и ядовитыми плодами. Растет в полях, часто рядом с древними развалинами. Однако, как это ни странно, сию гроздь я нашел здесь, в нашем доме.

Открытие потрясло Козимо.

– Ты понимаешь, что означают твои слова? Ведь если это так, получается, человек, вхожий в наш дом, строит козни против семьи Медичи.

– Еще одна причина, дабы держать подозрения при себе.

– Да уж, – согласился Козимо, – возразить нечего, одна-

ко сие все равно не помешает нам докопаться до истины, даже если истина окажется невыносимо жестокой. Уповаю на то, что подозрения наши несостоятельны, потому как иначе, клянусь, Лоренцо, я своими руками покараю того, кто повинен в смерти отца.

Козимо вздохнул. Ощутил, как нелепо звучат эти пустые угрозы и к тому же порождают в нем столь острое чувство беспомощности и потерянности, что ему едва удавалось с ним справляться.

– Не думаю, что во Флоренции сложно раздобыть подобного рода яд. Ты так не считаешь? – В словах Козимо звучала обеспокоенность, потому как было горько признать, что в их городе лишить кого-то жизни не составляло труда. А учитывая огромное состояние, наследником которого он являлся, впредь ему следовало вести себя вдвойне осторожно.

– У любого мало-мальски толкового аптекаря имеются в запасе ядовитые травы, и приготовить из них снадобье или отвар – пустяковое дело.

Козимо обвел взглядом внутренний двор. Серый, пустынный – совсем как это зимнее утро. Вьющиеся по стенам растения напоминали мрачную, трепещущую на ветру паутину.

– Хорошо, – произнес после недолгого раздумья, – поступим так. Ты проверишь, справедливы ли наши догадки касемо отравления. Домашних посвящать не будем. Надлежит истребить всякую тень подозрений, либо облечь их достоверность в форму. Если же и впрямь отец умер не своей

смертью, я желаю взглянуть в глаза человеку, лишившему его жизни.

– Непременно, брат, я не успокоюсь, пока этот аспид с человеческим лицом не получит имя.

– Да будет так. Однако надо возвращаться – нас, наверное, уже заждались.

Лоренцо кивнул, и они вошли в дом.

А на сердце тяжелым камнем давило мрачное предчувствие.

4. Последняя воля

Во дворце для прощания с покойным и чтения молитв устроили зал.

Отдать последнюю дань Джованни приходили представители самых влиятельных семей Флоренции. Даже те, кто при жизни считал его заклятым врагом. Среди последних, конечно, Альбицци, негласные хозяева города. Лицо Ринальдо⁸, как всегда, выражало презрительное высокомерие. И все же избежать прощального визита он не мог. Два дня в палаццо Медичи тянулся непрерывный поток людей из самых именитых и уважаемых семейств города.

После того как все закончилось и торжественно, но без из-

⁸ *Ринальдо дельи Альбицци* (Флоренция, 1370 – Анкона, 1442) – флорентийский политик, представитель знатного рода Альбицци, в 1417–1434 гг. глава олигархической партии, фактически управлявшей Флорентийской республикой.

лишней помпы, отслужили похоронную мессу, Козимо, Лоренцо и их супруги собрались в одном из залов дворца, дабы выслушать последнюю волю отца.

Иларионе де Барди, поверенный семьи и близкий друг и душеприказчик Джованни, только что вскрыл печати на свитке и готовился огласить последнюю волю усопшего. Лоренцо выглядел озабоченным. Казалось, его одолевали какие-то мрачные мысли. Наверняка ему что-то удалось узнать, подумал Козимо. Очень скоро они обсудят, как продвигается дело. А тем временем Иларионе начал читать:

— Дети мои, единственные мои наследники, посланием сим извещаю вас, что решил я не составлять завещания, потому как уже давно поставил вас себе в помощь на руководство банком, поручив вам дела, касаемые управления оным и всякой иной деятельностью. Знаю, что время, означенное мне волей Господа нашего в день появления моего на свет, истекло, и не покривлю душой, если скажу, что умираю в спокойствии, потому как вас оставляю в здравии, достатке и благополучии, а также в силах и возможностях жить во Флоренции достойно и честно, как и приличествует вам, в кругу друзей и при полной их поддержке. Чувствую, что могу сказать — смерть меня не страшит, потому как понимание имею твердое и ясное о том, что не обидел никого при жизни, а и паче того, по мере возможностей моих, дела благие вершил и нуждающимся помощь оказывал. Посему призываю и вас поступать так же. И коли жить вы желаете в уважении и

без страха – надобно блюсти законы, не отбирать у ближнего принадлежащего ему по праву, и тогда зависть людская и опасности обойдут вас стороной. Говорю сие, дабы запомнили вы крепко-накрепко: там, где начинается свобода других, ваша – заканчивается, а и потому еще, что ненавидит человек не за то, чего ему не дадено, а за то, что у него отнято. Посему пекитесь о своих делах – и воздастся вам за труды, да во сто крат боле, нежели тем алчным и до чужого добра охочим, что состоянья свои на ветер пускают, а под конец жизни существованье влачат жалкое и безрадостное. Уверен я, что лишь в соблюдении сих простых правил здравого смысла мне удалось – вопреки проискам недругов, поражениям и разочарованиям, омрачающим порою нашу жизнь, – не только сохранить репутацию мою в этом городе незапятнанной, а и даже укрепить ее. Не сомневаюсь я, что, следуя сим советам, сохраните вы и умножите вашу. А коли предпочтете вести себя иным манером, так с той же уверенностью скажу, что конец вас ожидает печальный, и схож он будет с концом тех, кто и свою жизнь погубил, и на близких своих навлек все мыслимые несчастья. Благословляю вас, дети мои.

Иларионе замолчал. По лицу Пиккарды текли слезы. Плакала она беззвучно, только на щеках оставались влажные дорожки. Достала платок из тончайшего льна, вытерла глаза. Она не вымолвила ни единого слова: ей хотелось, чтоб воля и слова Джованни подольше оставались в воздухе, чтоб отпечатались в памяти и стали для сыновей непреложным ко-

дексом поведения.

После недолгой паузы Иларионе задал, казалось бы, очевидный, однако совершенно справедливый вопрос:

– Теперь, когда воля Джованни исполнена, я спрашиваю вас: как мы поступим с банком?

Слово взял Козимо.

– Для начала созовем всех факторов⁹ – пусть они придут во Флоренцию с докладом о том, как обстоят дела в наших филиалах в Италии. Заняться этим я прошу тебя, Иларионе.

Поверенный семьи Медичи с достоинством кивнул.

После чего откланялся и покинул зал.

Пиккарда, ожидавшая Козимо в домашней библиотеке, встретила его пристальным и твердым взглядом; обычно это означало, что она собирается сообщить что-то важное.

Мать сидела в изящном, обитом бархатом кресле. В камине потрескивали раскаленные докрасна угли, и время от времени к кессонному потолку, словно мятежные светлячки, устремлялись искорки.

Длинные, теплого каштанового цвета волосы Пиккарды поддерживал расшитый, отделанный по краю жемчугом чепец; ниспадающий на плечи капюшон переливался золотыми

⁹ *Фактор* – в средневековой Италии служащий или управляющий торговой или банковской организацией за границей или в дочерних филиалах, действующий по генеральной доверенности.

нитями и драгоценными камнями. Подбитая мехом чоппа¹⁰ цвета лазурита – близкого к насыщенному индиго, – выгодно оттенявшая ее темные глаза, была туго повязана великолепным серебряным поясом. Ей приходилось придерживать руками тяжелые складки наряда – сей невольный жест со всей очевидностью указывал на впечатляющее количество роскошной ткани, пошедшей на изготовление платья. Манжеты длинных, расширяющихся в локте и тем напоминающих формой птичий зоб рукавов, как и пояс, были украшены серебряным шитьем и имели разрез, через который проглядывали узкие рукава гамурры¹¹ из серого тисненого бархата, на изготовление которых, без сомнений, потребовалось немало долгих часов кропотливейшего труда.

Даже несмотря на тяжесть и горечь утраты, Пиккарда была прекрасна и полна решимости поговорить с сыном – дабы увериться, что он в полной мере осознаёт, какая ответственность ложится теперь на его плечи. Конечно, Козимо неглуп, однако для человека, которому надлежало распоряжаться огромным наследством, страстное увлечение искусствами и художниками могло стать, по ее мнению, помехой. А потому Пиккарда не могла позволить, чтобы меж ней и сыном оставались недомолвки или недопонимания. Она жела-

¹⁰ *Чоппа* – длинное платье, расширяющееся от груди книзу, которое носили женщины в средневековой Флоренции.

¹¹ *Гамурра* – плотно сидящее по фигуре платье, надевавшееся поверх нижнего. Исполняло функцию второго, но не последнего, слоя в костюме знатной горожанки во Флоренции.

ла убедиться – Козимо осознаёт, что его ожидает.

– Сын мой, – начала она, – сказать яснее и с большей любовью, нежели сделал твой отец, невозможно. И все же уверена я, что, находясь на смертном одре, дал он тебе и другие наказы. Флоренция – она как своенравный племенной жеребец: при всем своем великолепии нуждается в твердой руке. Каждый день. И на пути своем ты встретишь не только тех, кто готов помочь и поддержать твои начинания, но и бездельников и негодяев, готовых без колебаний перерезать тебе горло, а еще и врагов: хитрых, изощренных, которые попытаются воспользоваться твоей честностью и добрым сердцем.

– Я не так неискушен, матушка, – возразил Козимо, подумав о том, как недалеко от истины ее слова.

– Позволь мне продолжить. Знаю, что ты не таков и что стараний для процветания семьи приложил немало, однако со смертью Джованни все усложняется, сын мой. Не сомневаюсь, ты найдешь свою дорогу и сумеешь пройти по ней, не поступившись убеждениями и не нарушив отцовской воли. Я лишь прошу тебя не сворачивать с верного пути, а для того в поступках и деяниях своих взять за пример стойков, сие означает – стремиться к общему благу, соблюдать во всем умеренность, также не ставить себя выше рядовых граждан и не кичиться тем, что имеешь. Знай, что отныне я всегда буду рядом, и главной моей заботой станет – следить, дабы семья наша тебе во всем поддержку оказывала. Однако помни:

хоть банк наш и процветает, а род Медичи уважаем и влиятелен, – коварных врагов у нас много. В особенности говорю я о Ринальдо дельи Альбицци. Остерегайся иметь с ним дело, от интриг его политических держись подальше. Помни – человек он безжалостный и в средствах неразборчивый. Амбициям его границы неведомы, и я уверена – он ничем не погнушается, лишь бы тебе навредить.

– Я буду настороже, матушка, и сумею постоять за себя.

– Разумеется, можешь во всем положиться на брата. Я всегда считала, что характеры ваши и душевный склад удивительно дополняют друг друга. Он – стремительный, порывистый; ты – рассудительный, взвешенный. Там, где Лоренцо действует, ты размышляешь и лишь затем, имея перед собой полную картину, предпринимаешь что-либо, – сия замечательная и полезная черта очень пригодится в жизни. Будьте всегда рядом, слушайте и уважайте мнение друг друга. Возвращаясь к тому, что тебя ожидает: старайся заниматься своими делами, однако помни – важно предвидеть шаги противника. Джованни всегда с невероятным упорством избегал участия в политической жизни города, я же, напротив, была с ним в этом не согласна. Полагаю, следует придерживаться золотой середины – оставаясь близким к народу, нашему давнему союзнику, не отказываясь в то же время от политических должностей и ролей общественных: так и простому люду посодействуешь, и заботы сословия благородного уважишь, и поддержку влиятельных семей сохранишь. В об-

щем, сын мой, хочу сказать, что, дабы поддержку себе обеспечить удвоенную, отстраняться более от политики нельзя.

Козимо прекрасно понимал: советы матери мудры и справедливы. Почтительно кивнул. Однако Пиккарда еще не закончила.

– Не мне тебе рассказывать, что Джусто Ландини, подстрекаемый, как говорят, Джованни ди Контуджи, поднял восстание в Вольтерре. И причины того кроются в Кадастр¹², который приняли при поддержке твоего отца. Говорю сие, потому как мы не можем оставаться в стороне и должны сделать выбор. Рвение, с коим ты отдаешься работам по возведению купола, достойно всяческих похвал, однако и отстраняться от жизни политической долее нельзя – сие может дорого нам обойтись. Посему подумай и об этом. Я не прошу тебя уйти с головой в политику – такой внезапный интерес к делам общественным крайне насторожил бы Ринальдо дельи Альбицци, однако ж и позволить ему и его семье принимать все важные для города решения мы тоже не можем. Флоренция стоит на пороге войны с Вольтеррой, и наша позиция должна быть ясной.

– С другой стороны, предать пополанов¹³ и плебс¹⁴ мы то-

¹² *Кадастр* – закон, принятый в 1427 г., по которому взимался налог 0,5 % со всего имущества и капиталов, согласно спискам, в которые вносили (кадастрировали) имя, возраст, цех, род занятий, количество движимого и недвижимого имущества.

¹³ *Пополаны* – мелкие и крупные торговцы, ремесленники (от *ит.* popolo – народ).

же не можем, – заметил Козимо. – Кадастр, горячо поддержанный нашим отцом, помог именно простым жителям Флоренции: ведь основное бремя налогов возложили на знать.

– Однако Ринальдо дельи Альбицци так и не простил этого отцу. И сейчас мы не можем пойти против него – вот что я пытаюсь сказать тебе.

– Знаю. Ринальдо расправляется с несогласными, потому пошел со своими людьми и Паллой Строцци против Джусто Ландини.

– Именно. Твой отец встал бы на сторону нобилей¹⁵, однако сделал бы это, не принимая слишком категоричную позицию. И сделал бы правильно. Дать понять, на чьей мы стороне, – вот что сейчас важно. Говорю сие, дабы донести: ты более не можешь позволить себе жить по своей охоте, не держась ясной политической линии, а и тем паче разглашая свои намерения. А значит, не отрекаясь от того, о чем имел радование отец, тебе должно поддержать Флоренцию. Ведь Джованни стремился подчинить то, чем владеешь, – а значит, и то, чем жертвуешь на общее благо, – принципам пропорции, и в том не было ничего дурного. А посему я не вижу противоречия в том, чтоб поддерживать сей принцип и воспротивиться мятежу в восставшем против Флоренции городе.

¹⁴ *Плебс* – городские низы, самые бедные слои населения – бедные ремесленники, наемные рабочие, ученики цеховых мастеров, слуги, – не имеющие политических прав.

¹⁵ *Нобили* – знатное сословие.

– Это мне известно, – вздохнул Козимо, – думаю, что – дабы не возникло ощущения, будто я в такой час желаю выделиться без меры, – все же примкну к знатым семействам, однако сохраняя в то же время наше положение защитников народа и всякого простого люда. Ведь если мы потеряем доверие обычных жителей, все, о чем радел отец, пойдет прахом.

Пиккарда согласно кивнула. Козимо рассуждал здраво и взвешенно. Лицо ее озарила – пусть и проникнутая горечью утраты – улыбка. Однако не успела она вымолвить и слова, как в библиотеку ворвалась Контессина.

Глаза ее были широко распахнуты, – казалось, в нее вселился дьявол.

– Джусто Ландини... – закричала она срывающимся голосом. – Джусто Ландини мертв: убит Арколано и его приспешниками!¹⁶

5. Ринальдо дельи Альбицци

– Наконец-то старик отдал богу душу, Медичи теперь не скоро оправятся.

Ринальдо дельи Альбицци ликовал. В нарядном фарсет-

¹⁶ Джусто Ландини в мае 1429 г. возглавил восстание в Вольтерре против налогов, которые 22 мая 1427 г. ввела Флоренция на подчиненных ей территориях по Кадастру для пополнения истощившейся казны. 7 ноября 1429 г., когда флорентийские войска подошли к Вольтерре, Ландини был убит своими же согражданами, испугавшимися возможной войны.

то¹⁷ из зеленой парчи и кальцабраке¹⁸ того же цвета он сидел в трактире небольшого постоялого двора. Палла Строцци поглядывал на него искоса:

– К чему это ты ведешь? Полагаешь, сейчас самое время нанести удар по этим проклятым ростовщикам?

Ринальдо, словно не слыша вопроса, поправил каштановые кудри. Снял кожаные перчатки и бросил их на деревянный стол. Он не сводил хищно блестящих глаз с приближавшейся к ним прекрасной трактирщицы. Так и не удостоив ответом Паллу. Ринальдо нравилось заставлять ждать. Таков был его излюбленный способ подчеркнуть существовавшее меж ними, несмотря ни на что, различие. Семья Строцци влиятельная, слов нет, однако не настолько, как Альбицци. Да и сам Палла – всего лишь жалкий гуманист, бумагомаратель, пусть и не без способностей, однако совершенно ничемный. Дабы чего-то достичь, требовались напор и жажда крови, – а он напрочь лишен и того и другого.

– Принеси-ка нам ногу ягненка, – обратился он к прекрасной трактирщице, – а еще хлеба и красного вина. Да поторопись – голодны мы после сражений изнурительных.

Пока женщина, шурша подолом юбки, шла на кухню, Ринальдо нет-нет да и поглядывал на нее. Открытое лицо,

¹⁷ *Фарсетто* – предмет мужского костюма, представляющий собой короткую, плотно сидящую куртку на подкладке.

¹⁸ *Кальцабрака* (calzabraca) – предмет мужского костюма, представляющий собой обтягивающее трико.

длинные черные волосы, карие глаза с золотистыми крапинками. Что-то неуловимое в ее формах будоражило ему кровь.

– Забавно видеть, как ты похваляешься воинскими подвигами, когда мы и пальцем не пошевелили... Полагаю, это составляет часть твоего сомнительного способа сражать наповал простолюдинок, – заметил Палла Строцци, в голосе которого звучали обиженные нотки. Он не выносил эту манеру Альбицци не отвечать. А случалось такое чаще, чем ему бы того хотелось.

Вместо ответа Ринальдо улыбнулся.

Перевел взгляд на сидящего напротив Паллу.

– Мой славный Палла, – заговорил он, – начну издалека. Разве Совет Десяти¹⁹ не поручил нам встать во главе войска в походе на Вольтерру, дабы подавить восстание, и разве не наладилось все без нашего вмешательства? Ведь ты же видел ее – голову Джусто Ландини, насаженную на кол! И помнишь, что подвигло Джусто восстать против Флоренции, разве нет?

– Еще бы! – воскликнул Строцци. – Все из-за новых налогов, взимаемых по Кадастру.

– Предложенному кем?... – подначивал Ринальдо дельи Альбицци.

– Джованни де Медичи.

¹⁹ *Совет Десяти* – верховная магистратура, в состав которой входили десять человек. Была создана для разрешения чрезвычайных ситуаций и ведения войн.

– Именно.

– Однако расплата за неслыханную дерзость пришла Джусто от его же сограждан. Арколано со своими приспешниками отрубили ему голову.

– Позволю себе добавить, что таким образом, как верно ты подметил, они избавили от грязной работы нас. Совесть наша чиста, как майское небо в ясный день, и к тому же мы увенчаны славой, потому как вернули Вольтерру под надежное крыло Флоренции.

– Даже не шевельнув пальцем, – заключил Палла Строцци.

– Точней не скажешь. Идем дальше, – продолжил Ринальдо. – Не секрет, что Никколо Фортебраччо прозябает в Фучеккьо, – сие так же верно, как и то, что именно Джованни Медичи более остальных во Флоренции ратовал за мир, и сей факт привел к тому, что Никколо оказался не у дел. Тебе есть что возразить?

– Я же не безумец, – раздраженно отозвался Строцци, – однако не надо со мной играть, Альбицци.

– Я и не думаю, ты сам скоро все поймешь. Итак: то, что восставшую Вольтерру благодаря хитроумно разыгранному мессером Арколано плану вернули Флоренции, *obtorto collo*²⁰, сомнений не вызывает.

– Если убийство Джусто Ландини позволительно именовать хитроумно разыгранным планом.

²⁰ Поневоле (*лат.*).

Ринальдо раздраженно отмахнулся. Он не выносил при-
творного правдолюбия Паллы – к чему подчеркивать столь
незначительные детали?

– Глупости, – возразил он, – вряд ли мы вправе рассчиты-
вать, что Флоренция станет нашей, если даже крови не гото-
вы пролить.

– Ну за этим-то дело не станет, Альбицци, я лишь пред-
почитаю называть вещи своими именами. – Палла прекрас-
но понимал, что, настаивая на своем, выведет собеседника
из себя, и делал это намеренно. В конце концов, разве он не
ровня Ринальдо: ни в чем ему не уступает.

– Друг мой, давай не вдаваться в излишние тонкости. При-
береги свои уловки для других. Вернемся к нашим делам:
Никколо Фортебраччо только и ждет повода, дабы вновь на-
чать опустошать города и насиловать женщин...

– И как с ним не согласиться? – прервал его Палла, по-
жирая глазами прекрасную трактирщицу, которая принесла
ароматный хлеб, кувшин черного, как смертный грех, вина
и два деревянных кубка. Она наклонилась над столом, и глу-
бокий вырез ее простого платья открыл взору собеседников
белоснежную упругую грудь. Палла даже щелкнул языком –
так, словно отведал изысканнейшее лакомство.

Женщина, казалось, не обратила на это внимания и, про-
вожаемая взглядом Строцци, вернулась на кухню.

– Ты бы не за трактирщицами волочился, а слушал меня
да не прерывал, старый греховодник, – не преминул упрек-

нуть его Альбицци. – Вижу, и ты разделяешь неумные аппетиты Фортебраччо, однако речь сейчас не о том!

– А о чем, ради всего святого? – спросил, разливая вино, Строцци и тут же осушил свой бокал, ощутив, как живительный нектар приятным теплом разливается по телу.

– О том, что хочу тебе втолковать: славно бы развязать войну. Только втянув город в очередное кровавое противостояние, мы ввергнем его в полный хаос, а значит, и без труда станем в нем хозяевами.

– Ты так в самом деле считаешь? – Лицо Паллы выражало недоумение, и потому он засыпал Ринальдо вопросами. – В самом деле уверен, что подобная стратегия наилучшая? Правильно ли я понял: ты намереваешься вступить в тайный сговор с Фортебраччо и, воспользовавшись обидой, которую он затаил против жителей Флоренции, подвигнуть его на войну с Республикой, а потом благодаря, если можно так выразиться, пролитой им крови и посеянному ужасу завладеть городом?

– Ну да, замысел мой таков, к тому же и война, в общем-то, ненастоящая. Поубивает Фортебраччо мелких людей, глядишь, под горячую руку и Козимо со всем семейством подвернется, и вот тогда вступим мы: остановим грабежи и убийства – таков ведь уговор – и с легкостью, не замарав рук, захватим власть. Ты так не считаешь?

Палла покачал головой.

– Совсем меня не убедил, – произнес неуверенно. – Не

лучше ли подождать более подходящего случая? Ты ведь знаешь, что Никколо да Уццано дружен с Медичи, и коли придет на помощь Козимо, одолеть его и завладеть городом будет не так просто, как ты говоришь.

– И что ты тогда предлагаешь?! – взорвался Альбицци. – Джованни де Медичи умер, его состояние и бразды правления семейными делами перейдут в руки сыновей. Лоренцо предсказуем, Козимо же не так прост. Он не раз доказывал свое умение достойно выходить из сложных ситуаций. Купол главного собора города – Санта-Мария дель Фьоре – возводится при его поддержке, и всем известно об отношении к нему Святого престола. Конечно, он прикидывается великим меценатом и делает вид, будто держится в стороне от распрей и дразг, однако на самом деле изворотлив и безжалостен, как отец, а может, и поболее. Правда заключается в том, что он – ростовщик и готов подкупить любого и, ежели мы его не остановим, не только нас подомнет, а и всю Республику к рукам приберет.

Палла раздраженно фыркнул:

– Да уж, а ведь учитывая, что заказчиком этого грандиозного сооружения выступила Опера-дель-Дуомо, купол Санта-Мария дель Фьоре – это не только дело Медичи и этого выскочки Филиппо Брунеллески, который, насколько я осведомлен, разошелся не на шутку...

– Это уж слишком! – оборвал его на этот раз Ринальдо.

– Да, слишком, – с готовностью согласился Палла, – и что

еще хуже: оттеснил Лоренцо Гиберти, а ведь его, как и Филиппо, назначили следить за строительством!

– Да, да, знаю – тебе это словно кость в горле, однако придется смириться, разглагольствования о культуре наших проблем не разрешат! – снова вскипел Ринальдо, с трудом выносивший постоянные отклонения собеседника от темы, да еще и касаемые материи, совершенно ему чуждой и далекой, – искусства.

– В любом случае, – продолжил Строцци, – не вижу, какую выгоду мы извлечем, разорив наш город лишь для того, чтобы прикончить Козимо. Проще нанять пару убийц. Разве не разумней отдать на растерзание Фортебраччо не Флоренцию, а другой город? И возможно, даже заручиться поддержкой Совета Десяти?

В воздухе еще звучали заманчивые, полные намеков слова, когда трактирщица вынесла деревянный поднос; на огромном блюде дымилась разрезанная пополам нога ягненка. От двух небольших мисок шел аромат томленной чечевицы.

– Восхитительно, – невольно вырвалось у Ринальдо, когда кушанья оказались на столе. – Что ты говорил?

– Говорил, что, полагаю, нам более повезет, ежели мы сумеем убедить Фортебраччо направить свои кровавые интересы в сторону Лукки.

– И какая нам от того выгода?

– А такая, что под предлогом расширения территорий мы

узаконим новую войну, однако при этом нам не придется пособничать нападению на наш город. Ибо сие представляется мне чистым безумием. Скажу больше. В первой части твой план безупречен: набить карманы Фортебраччо, дабы пробудить его воинственный дух. Только вот натравил бы я его на Лукку. Ты ведь сам говорил, что ему до смерти наскучила однообразная жизнь в Фучеккьо, что он опасен и неуправляем, – разве сие не является прекрасным оправданием того, что, желая утолить кровавые аппетиты Фортебраччо, мы направим его против города Паоло Гвиниджи. Я вхожу в Совет Десяти, у нас обоих есть верные союзники – потому, полагаю, мы без труда убедим верховную магистратуру высказаться в поддержку военной кампании, дабы раз и навсегда утвердить в Лукке наше господство. В точности как случилось с Вольтеррой. Фортебраччо нападет на город и возьмет его в осаду. И в очередной раз именно мы, посланники Флоренции, принесем мир и спокойствие в побежденную и разоренную Лукку, обеспечив себе тем самым поддержку тощих пополанов и простых жителей Флоренции, да к тому же укрепим наши позиции в городе против Медичи, ведь мы – спасем Республику.

Альбицци размышлял. Идея казалась не такой и плохой, однако Палла слишком уж витиевато излагал мысли.

Не произнеся ни слова, Ринальдо взял ногу ягненка, ухватил зубами и оторвал кусок сочного мяса от белой косточки. Они только что одержали верх над Вольтеррой, однако

останавливаться нельзя, в этом он был согласен с Паллой, а мысль еще более усилить свою власть и политическое влияние посредством военного превосходства и расширения флорентийского господства казалась ему очень неглупым ходом, дабы свести почти на нет роль Козимо де Медичи. Да и потом, на войне всякое может случиться: кинжал в спину, фатальный взмах шпаги... Смерть таилась повсюду, и Ринальдо намеревался сам решать, когда, как и с кем это произойдет. Роль наблюдателя его не устраивала.

– Ну что ж, решено, война так война, – произнес он, подняв кубок. Палла Строцци последовал его примеру, поддерживая тост.

– Заставим замолчать этого проклятого отпрыска дома Медичи. – Ринальдо осушил кубок. Вино, оставшееся на губах, в желтом свете свечей казалось запекшейся кровью. Зловеще хмыкнул. – Дни Козимо сочтены, – добавил, понизив голос.

6. Парфюмерша

В том, что касалось ядов, Лоренцо нельзя было назвать новичком. Страсть к травам и порошкам, унаследованная от матери, являлась одним из его многих достоинств. Он не учился аптекарскому ремеслу, не владел передающимися из поколения в поколение секретами алхимии, и все же кое-что из материнского увлечения не прошло для него бесследно –

по крайней мере, он знал, кто из аптекарей во Флоренции мог без особого труда раздобыть ядовитые порошки и травы.

Не сказать, что сие знание очень облегчало задачу, однако в любом случае могло служить отправной точкой; ведь, говоря начистоту, он почти не сомневался, что отец умер не своей смертью. Что-то подсказывало ему: у такой внезапной и скоротечной болезни имелся пособник.

Кем он являлся и зачем на это пошел – Лоренцо пока не знал.

Вопросы роились в его голове, а вероятные ответы лишь множили их. Потому он решил подойти к делу без излишней спешки, следуя – надо сказать, довольно разумно – надежному и испытанному методу: добраться до истоков преступного замысла, начав с последнего дня жизни Джованни.

Потому сразу после похорон Лоренцо приступил к исполнению плана: несколько дней с пристрастием, переходящим временами границы дозволенного, допрашивал аптекарей, которые, на его взгляд, могли дать полезную информацию. Конечно, он рисковал и пару раз переусердствовал, однако, с другой стороны, все знали, кем он являлся и, что еще важнее, кого представлял. Потому даже те, с кем уж и вовсе не миндальничали, поостереглись жаловаться – иметь такого врага, как Медичи, небезопасно. Однако приходилось признать, что все это ни к чему не привело – Лоренцо не продвинулся ни на шаг.

В то же самое время он вместе с Козимо приглядывал за

всеми, кто находился в услужении в палаццо Медичи. Задача была не из легких, однако в конце концов подозрения сосредоточились на молоденькой, недавно нанятой служанке с волосами цвета воронова крыла. Она приходила пару раз в неделю помогать постоянной прислуге. Лоренцо навел справки на ее счет и выяснил, что раньше она держала во Флоренции парфюмерную лавку. Звали ее Лаура Риччи. Потому братья решили, что уж если кто и знал толк в колдовских снадобьях и прочей бесовщине, то точно она. Разумеется, чтобы не вызвать подозрений, действовали они с величайшей осторожностью. Лоренцо взялся проследить за ней, чтобы выяснить, где она живет, и попытаться поговорить. Действовать надлежало аккуратно и осторожно. В сущности, никаких доказательств ее причастности к отравлению не существовало. Однако, несомненно, более остальных подозрения вызывала она.

Именно поэтому в эту минуту Лоренцо тайком следовал за прекрасной парфюмершей. Ему пришлось довольно долго идти за ней по темным, грязным, покрытым коркой засохшей крови и обрезками забитых животных улочкам города.

Горячие споры, касающиеся мясников, являлись *vexata quaestio*²¹ в городе, потому как телеги и тачки с тушами животных, непрерывно снующие взад-вперед, почти всегда оставляли после себя на центральных улицах кровавые следы и мясные обрезки. От исходившего от них тошнотвор-

²¹ Спорный вопрос (*лат.*).

ного запаха, к которому, ко всему прочему, примешивался какой-то приторно-сладковатый душок, выворачивало наизнанку. Совет Двухсот²² неоднократно поднимал этот вопрос, однако ни одна городская институция, в компетенцию которой это входило, так и не решила, что делать. Кто-то даже предложил перенести все мясные лавки Флоренции на Понте Веккьо, но в итоге так ничего и не предприняли. В общем, Лоренцо неотступно следовал за женщиной: после Меркато-делла-Палья прошел по Понте Веккьо и оказался в Ольтарно. Здесь парфюмерша, миновав Оспицио-пер-и-Вьянданти²³, проследовала в сторону моста Санта-Тринита, потом свернула в переулок с левой стороны улицы и остановилась перед дверью, за которой, по всей видимости, находилась ее лавка.

Достала ключи, вставила один в замочную скважину.

Прежде чем открыть, посмотрела по сторонам – во взгляде сквозило с трудом скрываемое беспокойство: она словно чувствовала, что за ней следят. Убедившись, что поблизости никого нет, вошла.

Помещение освещалось скудно – всего четыре свечи в железной люстре под потолком. Чтобы комната не каза-

²² *Совет Двухсот* – образованный в 1411 г. управляющий орган, в компетенцию которого входило обсуждение в первой инстанции важных законодательных, политических и государственных вопросов.

²³ *Приют путников (ит.)* – небольшая гостиница в районе Борго Сан-Якопо в Ольтарно, где останавливались путники, направляющиеся в Рим.

лась такой мрачной, Лаура открыла сундук и достала оттуда несколько сальных свечек. Воткнула их в трехрожковый серебряный канделябр и поставила его на загроможденном стеклянными колбами с травами и разноцветными порошками прилавке.

Внутри стало светлее, однако едва она, проверив, плотно ли закрыты ставни, облегченно выдохнула, как ее заставил вздрогнуть неожиданно раздавшийся голос.

В углу, в обитом бархатом кресле, сидел мужчина. Выглядел он для здешних мест необычно. Бездонные голубые глаза, длинные рыжие волосы. Полностью черная одежда придавала его наружности мрачности и тревожности. Усиливала впечатление спадающая с одного плеча такого же цвета накидка. Надетый поверх костюма фарсетто с металлическими пластинками свидетельствовал о его принадлежности к военным, на это же указывали и крепившиеся к поясу небольшие ножны для кинжала, который сейчас он держал в руках. Как и разрезанное – очевидно, этим самым кинжалом – на четыре части яблоко, которое он уже успел надкусить, а потому лицо его выражало нескрываемое удовлетворение.

– Явилась, значит, *mein Kätzchen*?²⁴

Голос у него оказался неприятный: резкий и колючий, словно лезвие ножа, к тому же постоянно срывался – казалось, что ему с трудом удавалось сохранять выбранную интонацию. В некотором смысле этот голос существовал сам по

²⁴ Моя кошечка (нем.).

себе: то походил на хрип, то становился писклявым – мужчина почти не мог с ним совладать. Во всяком случае, так, как бы ему того хотелось.

– Боже мой, Шварц, – произнесла Лаура, – ты меня напугал.

Швейцарский наемник молчал и, не отводя глаз, долго смотрел на нее. Увидел, как она вздрогнула под его леденящим душу взглядом.

– Ты меня боишься? – спросил.

– Да.

– Правильно. Они что-то заподозрили?

– Да.

– Я так и думал. А впрочем, ты сделала то, что должна была. Даже если они и догадались о чем-то, уже слишком поздно.

– Что ты имеешь в виду?

– Подойди ко мне.

Она не шевельнулась.

Он ни за что бы не признался, однако именно это возбуждало его еще больше. Ему нравились темпераментные женщины. И уж кто-кто, а Лаура на отсутствие темперамента пожаловаться не могла.

Задержал – чуть дольше чем следовало, – пристальный взгляд на ее удивительной красоты лице, обрамленном копной черных, блестящих волос. Даже в дрожащем свете свежей гладкая, оливковая кожа женщины сияла, – и, забывшись

на мгновение, он словно утонул в ее зеленых, как цветущий летний сад, глазах. Хотя, возможно, виной тому был аромат – это он похитил его душу: интригующий, соблазнительный, с нотками мяты и крапивы, заполнивший, словно чарующая музыка, комнату.

– Почему ты закрыла лавку? – поменял тему гость.

– Дела шли неважно, однако это тебя никоим образом не касается.

– Хорошо, хорошо, – он поднял руки, показывая, что сдается. И в свете свечей блеснуло лезвие кинжала.

– Ты наконец соизволишь сообщить мне причины своего визита?

– Я пришел, чтобы спасти тебя.

– В самом деле?

– Полагаю, Медичи обо всем догадались. А то, что Лоренцо за тобой следил, подтверждает мою правоту. Он и сейчас поджидает тебя на улице. Я его видел.

– Боже мой! – Лаура вздрогнула. – Я не заметила! Ты боишься его?

– Ничуть.

– А следовало бы.

– И почему же?

– Ты хотя бы представляешь, кто они? По всей видимости, нет.

– Подойди ко мне, – снова позвал он.

– А если я не желаю?

– Не заставляй меня повторять. Я сегодня не в том настроении, чтобы принимать отказ в небольшом одолжении из уст женщины, которая во мне нуждается.

Лаура на мгновение замолчала – обдумывала слова Шварца.

Потом произнесла два слова.

– Красивой женщины, – сказала с полуулыбкой, однако твердо и внятно. – Слишком красивой для такого, как ты, Шварц!

– Да уж, – он решил пошутить, – как ни крути, а красотки и красавки одного поля ягоды, так ведь? Только не строй из себя невесту что, не то – бог свидетель – вот этим кинжалом я так разукрашу твое личико, что на твою прелестную мордашку никто больше не позарится.

Лауру охватило какое-то странное, необъяснимое чувство. Словно вдруг ожило что-то неразрывно связанное с далеким прошлым, воспоминание, которое она так надеялась стереть навсегда из памяти. Взгляд вспыхнул от переполнявшего и понятного лишь ей гнева. Однако длилось это всего лишь долю секунды – она тут же взяла себя в руки: не хотела, чтобы Шварц заметил. Подумала, что все случилось достаточно быстро и ей удалость не вызвать его подозрений. К тому же в этом мужчине было что-то необъяснимо притягательное.

Шварц взял ее за волосы, вынуждая встать на колени.

– На сей раз желаю, чтобы ты сполна выказала свою бла-

годарность.

– А что скажет...

– Господин, которому мы служим? – оборвал он ее. – Пусть сей факт тебя не заботит, думай только об этом, – и с этими словами поднес к ее горлу острое лезвие.

Лаура поняла. Без лишних слов опустилась на колени. Приспустила ему калыцабраку. Делала она это не спеша – томительное ожидание продлевает удовольствие. И не только Шварца. Уж она-то хорошо знала, как доставить наслаждение мужчине. Взяла его уже налитой и большой член руками. Слегка сжала. Появились первые, нетерпеливые капли.

– Соси, – потребовал он, – не то поплатишься своей нежной шеей.

Лаура взяла его в рот, и Шварц испытал такое блаженство, какого доселе ему не доводилось пережить.

7. Вера и оружие

Козимо хотел побыть один. Слишком много всего навалилось в эти печальные и безумные дни. Смерть отца оставила в его сердце невосполнимую пустоту, а подозрение, что того могли отравить, бредило глубокую незаживающую рану и к тому же вынуждало задуматься о собственной уязвимости. Человек, вхожий в дом, строил против них козни. Не исключено, конечно, что все это являлось лишь плодом разыгравшегося воображения Лоренцо, однако Козимо, зная-

му брата как человека, не склонного к фантазиям, подобное предположение казалось маловероятным. Состояние Джованни и впрямь слишком резко ухудшилось, да и настолько внезапная смерть тоже наводила на размышления. Ведь всего за несколько дней до болезни отец казался таким бодрым и полным сил.

Разумеется, этого недостаточно. И доказательств у них раз-два и обчелся: ягоды красавки да подозрения насчет служанки, и все же... И все же ведь и Пиккарда говорила, что врагов у них много, — так к чему упорствовать, продолжая обманывать себя?

Лоренцо проверил всю прислугу и назначил несколько новых дегустаторов. Поменял всех следящих за напитками и съестными припасами слуг. Когда мать попросила объяснений, Козимо, которому не хотел волновать ее прежде времени, пришлось все же сказать, что, учитывая некоторые, пусть и незначительные, нарекания, ему показалось справедливым заменить большую часть прислуги.

Пиккарда посмотрела на него недоверчиво, однако углубляться не стала. Она доверится ему — как обещала.

Козимо поднял голову, задумчиво разглядывая устремленный ввысь величественный купол. Сквозь lanternу и небольшие отверстия в основании ребер внутрь собора проникали, проливаясь ласковым дождем, бледные лучи зимнего солнца.

Это завораживающее зрелище придало ему сил. Он поду-

мал о Филиппо Брунеллески и его удивительных творениях, в которых таким благодатным образом слились гений и решимость. Этот одержимый, фанатично увлеченный архитектурой и декором, расчетами и вычислениями человек, изо дня в день отдающий всего себя без остатка работе, именно в этом причудливом сплетении – созидать, разрушая себя, – черпал силы и вдохновение; это было его гармонией, – гармонией противоположностей, как в его детище, капелле Сан-Лоренцо, где совершенная геометрия полукруглых арок сочеталась со строгими линиями основания, создавая безупречное единение прямых и окружностей.

Козимо подумал, что ему хотелось бы быть таким: надежность и строгость прямых линий и дерзость, открытость новому, заключенные в окружностях. И разве не об этом, пусть и другими словами, говорил отец?..

Козимо в самом деле боялся не оправдать его ожиданий. Однако не управление банком беспокоило его. Он знал, как вести себя с факторами, и, кроме того, рядом всегда находился готовый прийти на помощь Лоренцо, – его тревожило непростое искусство политических интриг и компромиссов. Козимо всем сердцем желал сделать все возможное для блага семьи, желал помогать нуждающимся; однако чувствовал, как его втягивают в опасные игры за власть те недоброжелатели из Совета Десяти, которые только и ждут неверного шага или оплошности, чтобы при удобном случае воспользоваться его слабостью.

И потом, его сыновья, Джованни и Пьеро.

В особенности Козимо беспокоил Пьеро. Ему почти четырнадцать, он уже становится зрелым мужем, а недавно вдруг изъявил странное желание заняться боевыми науками, нанять учителя по фехтованию и обучиться владению оружием. Не то чтобы Козимо осуждал сына, — он и сам изучал начатки искусства дуэли и мог при нужде себя защитить, и все же профессиональным военным, конечно же, не являлся. Однако с того дня, как Альбицци начал разжигать огонь раздора, подстрекая напасть на восставшую Вольтерру, где потом сами же мятежники устроили заговор и расправились с главным вдохновителем, желание стать военным неотступно преследовало Пьеро.

Козимо вздохнул.

Закрыв глаза.

Прислушался к тишине.

В этом абсолютном покое было что-то мистическое. Не нужно ничего говорить, принимать чью-то сторону. Так благостно и безмятежно.

Подумал, что прошло уже довольно много времени, как он находится в соборе. И что Лоренцо все еще не вернулся. Козимо гнал от себя поневоле закрадывавшиеся мысли, — от прекрасной парфюмерши можно было ожидать чего угодно, — не случилось ли какой беды с братом. Однако Лоренцо в таких делах разбирался лучше и при случае сумел бы найти выход из затруднительного положения.

И все же он тревожился.

Лоренцо так долго наблюдал за лавкой, что потерял ощущение времени, однако понимал, что уйти прекрасная парфюмерша не могла. И только дождавшись, когда она выйдет, он сумеет распутать тайну. Конечно, может, придется потратить целый день. Ничего, пусть так. Он не намеревался отказываться от своего плана. И уж точно в его намерения не входило вернуться домой с пустыми руками. Да и потом, он не из тех, кто сдается при первой трудности. Если уж что-то задумал – непременно доводил до конца. Как всегда учил отец.

Зашло солнце, Лоренцо уже почти не надеялся на удачу, когда дверь наконец открылась. Вышла Лаура. Конечно, это была она: он узнал ее силуэт и длинные черные локоны, которые выбивались из-под капюшона, укрывавшего ее от посторонних глаз.

Не раздумывая долго, бросился к ней. Действовал импульсивно, потому как не собирался позволить ей ускользнуть еще раз. Он был вне себя: нет сомнений, что за отравлением стояла она, да и показавшееся ему бесконечным ожидание не лучшим образом сказалось на его настроении. Схватил парфюмершу за руку. Сжал с такой яростью и так грубо, точно хотел вложить в этот жест все страхи и подозрения, которые мучали его в последние дни. И если для того, чтобы узнать правду, пришлось бы выкрутить ей руки и угрожать –

он бы точно не стал колебаться. Однако до этого не дошло.

– Лаура, – резко окликнул ее, – нам нужно поговорить. Тебе так не кажется?

Она начала оборачиваться; однако едва он увидел ее бездонно-зеленые кошачьи глаза, как кто-то схватил его за плечо. Лоренцо показалось, что он попал в лапы дикого зверя. А уже через мгновение, подброшенный неведомой силой, он полетел на стену дома. Могучий удар пришелся в плечо – и боль стремительно растеклась по всему телу.

Поднял голову – перед ним стоял внушительного вида мужчина.

Высокий, крепкий и, судя по кинжалу на поясе, имевший отношение к военным.

Вся его одежда, включая небрежно наброшенную на плечи накидку, была черного цвета. Держался он чрезвычайно уверенно, даже вызывающе, будто только и ждал, как бы поскорей затеять ссору.

Лоренцо струхнул.

– Кто вы такой? – спросил прерывающимся от яростного бессилия голосом, нащупывая рукой спрятанный в подкладке одежды стилет.

– *Du Schwein!*²⁵ – вместо ответа презрительно бросил человек в черном. – Если вы полагаете, что вам удастся добрать-ся до стилета прежде, чем я изменю до неузнаваемости ваше лицо, то вы – полнейший идиот. Точно как я и думал.

²⁵ Ты свинья! (нем.)

Сверкнув в слабом свете факелов, которые освещали темную улочку, белыми зубами, он злорадно ухмыльнулся.

Лоренцо, невзирая на угрозы, выхватил нож и бросился на незнакомца, пытаясь попасть ему в живот, однако тот, сделав обманный маневр, ловко увернулся и сбил Лоренцо с ног, так что он вновь распластался вниз лицом на пыльной брусчатке.

– Значит, вы ничего не поняли!

– Нет, – ответил Лоренцо, утирая кровь, которая тонкой струйкой текла из разбитой губы по подбородку.

От похожего на угрожающий лай смешка, который вырвался у человека в черном, кровь стыла в жилах.

– Ну разве вы, Медичи, – процедил он, – не стая глупцов? Полагаете, эта женщина отравила вашего отца?

Вместо ответа Лоренцо, чье бессилие и уязвленное самолюбие казались очевидными, плюнул незнакомцу в лицо. Особенно горьким для него стал неприятный сюрприз, что противник на столько шагов опередил его.

– Ха, вам бы следует придумать что-нибудь получше, если хотите меня напугать, – не унимался спутник Лауры. – И все равно вы так далеки от правды... Жалкие свиньи. – Он вложил в эти слова все презрение, на какое был способен. – А вы спрашивали себя, как вам удалось так скоро выйти на нее?

– Прикончи его, – потребовала Лаура, показывая на Лоренцо. Глаза ее пылали холодным, расчетливым огнем, словно вероятное убийство являлось будничным занятием и не казалось ей чем-то противоестественным – скорее, просто

надежный способ избавиться от неугодного свидетеля.

– Ну уж нет, – бросил он. Посмотрел на Лоренцо и продолжил: – Вам это удалось, потому что мы вам это позволили. Не было никакого отравления, мессер. Мы заставили вас поверить в это, оставив ягоды красавки в опочивальне! Ваш отец умер своей смертью. А спектакль мы устроили с одной-единственной целью – предупредить. Показать вам, что мы в силах добраться до Медичи, когда и как только пожелаем, я ясно изъясняюсь? Будьте настороже, потому как, возможно, в следующий раз мы решим прикончить вас.

Услышав это, Лоренцо вскочил и бросился на незнакомца. На сей раз сделал ложный выпад вперед и попытался нанести удар сбоку, который тот с легкостью отразил. Кинжал и стилет скрестились. Звякнули металлические клинки. Железо против железа. Наемник ловко вывернулся, и тотчас острое длинное лезвие очутилось у горла Лоренцо.

– Не дергайтесь, – бросил он, – у вас нет никаких шансов в этом поединке. Сейчас мы уйдем, а вам не останется ничего, кроме как смотреть на наши удаляющиеся фигуры. Однако будьте уверены, Лоренцо Медичи, мы непременно встретимся. Молитесь только, чтоб не так скоро, потому как в следующий раз мне придется вас прикончить, и, поверьте, я это сделаю.

С этими словами Шварц, не опуская направленного на Лоренцо кинжала, прижал к себе свободной рукой Лауру, которая, казалось, вовсе не гнушалась подобной близости.

Парочка удалилась. А Лоренцо, который смотрел на их исчезающие в темноте силуэты, померещилось даже, что она довольно улыбалась.

Август 1430

8. Важный разговор

Лошади во весь опор мчались по проселочной дороге. Справа, насколько хватало взгляда, до самого горизонта простирались белые пшеничные поля. Слева, словно мрачные языки пламени, к небу цвета индиго гордо тянулись пышно-зеленые кроны кипарисов.

Козимо чувствовал, как по лицу и шее сочится пот. Капли бежали без остановки: ворот сорочки промок и прилип к телу. Козимо пришпорил коня, тот вырвался вперед, и Лоренцо на своем каурум с трудом поспевал за ним.

Нельзя было терять время – следовало добраться как можно скорее. Он знал, что Никколо да Уццано выступал против войны с Луккой и что сейчас, когда Франческо Сфорца со своим войском, сметая людей Фортебраччо, дошел почти до Валь-ди-Ньеволе, откладывать дольше решение было нельзя. Однако и сделаться врагом своего самого верного союзника он не желал.

Никколо стар, одолеваем хворями и измотан нескончаемыми и пустыми баталиями. И в эти знойные летние дни, разочаровавшийся и уставший от нападков сторонников Аль-

бицци, удалившись, почти как Цинциннат²⁶, от дел, он уединился на своей вилле в окрестностях Монтеспертоли.

Козимо пришпорил коня. Крепко сжал лоснящиеся бока своего красавца-гнедого. Улыбнулся: как великолепны флорентийские пейзажи и этот теплый, ласкающий лицо ветерок. От бешеной скачки длинные волосы Козимо, словно чернильное пятно, развевались в прозрачно-голубом воздухе.

Время от времени посреди пасторального благолепия попадалось какое-нибудь поместье; наконец, Козимо свернул на узкую дорогу и очутился перед мрачными воротами, подле которых несли службу два караульных: в кожаных доспехах с металлическими шипами и громоздких сапогах. В руках каждый держал длинное копье, а при взгляде на их лица казалось, что они вот-вот расплавятся под палящим солнцем.

Козимо резко остановил коня; от неожиданности тот взвился на дыбы и с такой силой ударил передними копытами оземь, что поднявшееся облако пыли еще долго клубилось в воздухе.

– Кто? – спросил караульный, лениво направив копье в сторону всадников.

Козимо – чей скакун, пуская белую пену, громко фыркал

²⁶ *Луций Цинциннат* – древнеримский государственный деятель и полководец, живший в 539–439 гг. до н. э. Известен бескорыстием, самоотверженностью, простотой и добродетельностью. Отказавшись от власти и роскоши, занимался в своем поместье сельским хозяйством.

– бросил испепеляющий взгляд на солдата.

– Что значит «кто»? – Старшего Медичи переполняло негодование. – Не признал цвета Медичи? – рывкнул он, указывая на роскошную упряжь своего коня с изображением фамильного герба: шесть красных шаров на золотом фоне.

Второй караульный помотал головой, словно извиняясь. Провел рукой по густым каштановым усам.

– Не гневайтесь, мессер Козимо. Хозяин наш и господин Никколо да Уццано очень вас ожидали. Потому визит ваш, полагаю, им вдвойне приятен. Пожалуйста, милостивые господа, держитесь все время мощеной дорожки.

Козимо немедленно прищпорил коня и погнал его во весь опор по ведущей к дому аллее. Лоренцо не отставал. Оглашая округу цокотом копыт, они скакали среди растущих вдоль дороги миртов, лавров и иссушенных солнцем зарослей тутовника.

Добравшись до большого особняка, Козимо спешил и передал коня местному слуге.

– Не забудь дать овса и воды нашим скакунам. Они того заслужили.

В дверях братьев встретил другой слуга, который и проводил их к Никколо.

– Козимо, прошу, постарайся понять. Война с Луккой не принесет никакой пользы нашей любимой Флоренции. Ринальдо дельи Альбицци так упорствует, потому как его во-

инстинктивная натура видит лишь один путь: вооружить алчущего наживы Никколо Фортебраччо. Ринальдо и Палла Строрцци давно строят козни, чтобы завладеть Луккой. Однако поверь мне – процветания и мира такой ценой не достичь. Кому, как не нам, сражавшимся с Миланом, известно, как ненавистны чужой произвол и попираание прав. Война, которая стоила нам несметного количества флоринов, не привела ни к чему, кроме горьких потерь: на полях сражений погибли самые молодые и храбрые из наших людей. Что нам за выгода нападать на Лукку? Я уже не говорю, что против Фортебраччо сейчас направляется Франческо Сфорца. А тебе известно, как безжалостен и жесток этот человек.

Словно устав от долгой тирады, старый Никколо да Уццано бессильно опустил руки. За него словно продолжали говорить серебристые пряди волос, выбивавшиеся из-под капюшона, – свидетели его мудрости и опыта. Никколо расхаживал взад-вперед по комнате, а наброшенная на плечи лилового цвета накидка раскачивалась в такт шагов. Козимо обратился в слух. Ему более других было известно, как страстно стремился к долгожданному миру во Флоренции Уццано и как Альбицци, напротив, делал все, лишь бы втянуть город в очередной конфликт. Сначала Вольтерра, потом Лукка, – казалось, Ринальдо живет только для того, чтобы воевать. Правда, рискует при этом чужими жизнями.

Козимо и Лоренцо переглянулись.

Они прибыли к Уццано в строжайшей тайне, потому

как вести переговоры с какой-либо партией представлялось крайне неблагоразумным: то, что поддержать Альбицци означало выступить за войну, а поддержать Уццано – за мир, во Флоренции знали все. С другой стороны, Козимо мог лишь передать решение Совета Десяти. Решение, на которое именно он повлиял через своих доверенных людей.

– Мы сделали все, что могли, Никколо. В любом случае Совет Десяти вынес вердикт. Не без участия моей партии, разумеется; и пренебрегать решением, коего нам удалось добиться и гарантом которого я выступаю, нельзя. Времена сейчас тяжелые, к тому же всем известно, что Паоло Гвиниджи позволяет себе слишком много вольностей. И слов нет, ты прав: нападать на Лукку, особенно сейчас, когда на их сторону встал Сфорца, было бы неразумно; но неужто тогда получается, что мы должны отказаться от расширения нашего влияния? Тебе известно о неприязни, которую я питаю к Ринальдо дельи Альбицци, однако же и вмешательства Милана нельзя попустительствовать, – так, глядишь, и нас в недалеком будущем загонят в угол и принудят униженно бить поклоны, лишь бы дозволили оставаться в нашем городе.

Глаза Никколо сверкнули. От него не ускользнул скрытый смысл сказанного. Козимо походил на своего отца и к тому же, казалось, вовсе не брезгал двуличием: с одной стороны, заявлял себя сторонником мира, а с другой – призывал к войне.

– Погоди, Козимо. Соображения твои мне понятны, и я не утверждаю, что слова твои лишены смысла, однако помни: нельзя сидеть меж двух стульев – или я, или Альбицци, а потому подумай хорошенько, прежде чем выбрать, чью сторону принять.

В словах старого и умудренного жизнью Уццано сквозило раздражение, и Козимо это ясно уловил. Он прекрасно понимал, что следовало успокоить Никколо, объяснить, как он намеревался поступить и почему. Да и не мог он держать его в неведении относительно выбранной стратегии.

– Никколо, твои рассуждения мне понятны, и поверь, Медичи – твои союзники и защитники мира. Однако не секрет и то, какой опасности подвергает нас присутствие Франческо Сфорца в непосредственной близости от Флоренции. Мы помним уроки прошлого и знаем, на что способен Милан, потому позволить ему захватить Лукку было бы непростибельной ошибкой. А то, что это произойдет и Сфорца освободит осажденный Фортебраччо город, не вызывает никаких сомнений. У него больше людей, и они гораздо лучше вооружены; может, пока мы здесь ведем беседы, он уже идет триумфальным маршем по Лукке.

– Сей факт, признаюсь, и у меня не вызывает сомнений, силы их неравны, да и, ежели слухи верны, Фортебраччо вот-вот отстранят от командования.

Козимо ничего об этом не знал, однако на то, что он намеревался сообщить, это никак не влияло.

– Мое глубокое убеждение, Никколо, и в этом со мной согласен Совет Десяти, что мы могли бы избавиться от угрозы, исходящей от Франческо Сфорца, не обнажив ни одной шпаги, я понятно изъясняюсь?

– Ты же согласишься, что сие позволило бы нам иметь огромные преимущества, разве нет? – не удержался Лоренцо: он не хотел прерывать брата и все же счел нужным подчеркнуть благоприятность решения, которое они собирались предложить.

Уццано удивленно поднял брови. Козимо продолжил.

– Не думаю, что у кого-то вызывает сомнение, какую цель преследуют эти изголодавшиеся гончие, стоящие во главе наемных войск. Истинная проблема состоит в том, что все мы – все до единого, – отказавшись от изучения воинского искусства, позволили ему стать ремеслом, за которое, ко всему прочему, еще и хорошо платят. Сие и есть то, что я намереваюсь сделать.

– Платить наемникам? – продолжил его мысль Никколо.

– Как я добьюсь того, чтобы Сфорца повернул назад, – это уже мое дело. Однако хочу, чтобы ты понял: я тоже страстно желаю мира и хочу избежать бессмысленных кровопролитий. Тем более если сражаться предстоит с людьми, для которых война – их ремесло. Таковы мои убеждения, и теперь, не сомневаясь в прозорливости нашего старинного союзника, жду твоего вердикта.

Старый Никколо да Уццано вздохнул.

– Да будет так, благословляю тебя!

Губы Лоренцо тронула улыбка.

– Но помни, – сразу же продолжил Никколо, – когда выступишь к выполнению своего плана, ни одна шпага не должна быть вынута из ножен.

– Вот тебе мое слово. Во имя дружбы, которая связывает семьи Медичи и Уццано.

Никколо кивнул.

– Тогда так и порешим, – заключил он, как показалось Козимо, чрезвычайно довольным тоном, – а вам, полагаю, разумней переночевать здесь: отужинать и набраться сил перед обратной дорогой. Я уже и комнаты распорядился приготовить, а ежели повезет, и нашего паштета из куропатки отведаете; уверяю вас – яство сие отменный вкус имеет.

Лоренцо не заставил себя долго упрашивать.

– Разумеется, – согласился он с готовностью, – я страшно проголодался после долгой дороги.

– Однако прежде, друзья мои, желаю, дабы вы помнили. Договориться со Сфорца – задача непростая, и вмиг с ней не управиться. Аппетиты этого человека неумны, а амбиции не имеют границ. И должно вам знать – на выгодные для Флоренции условия он не согласится.

– Я понимаю, с кем мы имеем дело, – не в моих правилах недооценивать соперника, если ты это имеешь в виду, – подчеркнул Козимо.

– И правильно делаешь – нельзя терять бдительности.

Иначе сохрани нас Господь.

Слова Никколо да Уццано прозвучали мрачно и угрожающе.

9. Поле боя

Голубоватый домик от ружейных выстрелов поднимался к небу. Нери увидел, как прямо на него, сметая все на своем пути, несется в атаку отряд кавалеристов Франческо Сфорца. Их не останавливали даже снаряды, которые с безостановочным грохотом выпускали из бомбард, — большая часть головорезов стремительно приближалась, и это означало конец. Он приготовился к бою. Увидел перед собой лошадиную морду с пеной у рта, потом блеснувший над головой клинок. Ухватившись обеими руками за свой *цвайхендер*, двухручный меч, замахнулся. От скрестившегося оружия полетели голубоватые искры, однако Нери устоял на ногах. Увидел, как вокруг падают сраженные неприятелем соратники.

Атаковавший его всадник продолжил движение, однако потом остановил своего красавца-скакуна с блестящей шкурой цвета корицы. Конь встал на дыбы, перебирая, как мельница, передними ногами в воздухе, потом развернулся и опять направился в сторону Нери.

Он не знал, что делать. Его охватил неопишуемый, ledenящий душу ужас. Почувствовал, как брызнувшая липкая урина промочила калыцабраку. Всадник, оказавшийся

в нескольких шагах от него, внезапно остановился, выверенным и ловким движением приподнялся в седле и, хотя конь еще какое-то время продолжал движение, вынул ногу из стремени и спрыгнул на землю, подняв облако коричневой пыли.

Сверкнул клинок. Движение – простое и плавное – привело Нери в панику. Вытаращив глаза и ухватившись двумя руками за шпагу, он приготовился к защите и с горем пополам отразил удар. Однако ярость напора и тяжесть оружия нападавшего были настолько велики, что юноша не удержался на ногах и покатился по земле.

На зубах у него закрипела пыль. И все же, понимая, что нельзя терять время, он тут же вскочил на ноги, едва успев защититься от посыпавшегося на него града ударов. Шпага кавалериста казалась Нери сущим проклятием, а нападавший будто играл с юношей: ему словно доставляло удовольствие дожидаться, когда Нери ошибется, чтобы немедленно проткнуть его своим клинком, насадив, словно перепела на вертел.

Юноша с трудом представлял себе, как ему удастся выбраться из этого ада, из этого смертельного клубка, где тесно сплелись доспехи, железо и кожа. Почувствовал, как кто-то ударил его в плечо. А противник тем временем вновь атаковал. Нери, пригнувшись, отразил удар и попытался перейти в контратаку, однако кавалерист увернулся, отскочил в сторону и нанес юноше стремительный и мощный удар шпагой

по ногам.

Нери ощутил жгучую боль. Левая нога внезапно перестала его слушаться. Почувствовал, как в бедре что-то распухает. Посмотрел на ногу, увидел, как серая калыцабрака делается темной, будто ее захлестнула вышедшая из берегов река, воды которой на жемчужно-серого цвета одежде казались разлитым вином.

Он рухнул на колени. Рана на бедре, из которой фонтаном била кровь, была такой глубокой, что, глядя на нее, Нери не мог понять, как это нога еще не отделилась от тела. Кровь хлестала не переставая. От боли у него полились слезы. И, беспомощно сидя там, на пропитанной потом и кровью земле, он увидел, как кавалерист занес над ним шпагу, а потом, как в день Страшного суда, опустил ее.

Франческо Сфорца нанес мощный удар наискосок: справа налево. Шпага вонзилась в плоть, — отсеченная голова солдата отлетела и потом еще несколько шагов катилась по земле. Из обезглавленного тела хлынул фонтан крови. И то, что еще мгновение назад было флорентийским воином, с глухим стуком рухнуло на землю Луниджаны.

Сфорца поднял забрало шлема. Вокруг, куда ни глянь, терпели сокрушительное поражение солдаты Никколо Фортебраччо. Пехота и кавалерия бежали с поля боя, пытаясь спастись от сокрушительного напора его, Франческо Сфорца, людей.

Сплюнул. Война эта была грязной. Он знал это лучше других. Почестей за нее не получишь, только деньги, — да и разве те жалкие крохи, за которые они уговорились с герцогом Миланским и Гвиниджи ди Лукка, стоили лишений, которые они принуждены терпеть, дабы взять город?

Однако ничего не поделаешь: приказ есть приказ, да и договоренности требуется блюсти, иначе придется Франческо новую работенку искать.

Бросил на землю шлем, подставил ветру мокрые от пота каштановые волосы.

Флоренция, должно быть, находилась на пределе сил, коли сражаться отправляли желторотых юнцов, с горечью подумал он. Убитому только что солдату наверняка было немногим более шестнадцати лет. Да и в том, что тот ничего не смыслил в военном деле, Сфорца тоже мог бы поклясться. И потому участь воина была предрешена в то мгновение, когда под нещадно палящим солнцем он попытался неумело сопротивляться его натиску, неуклюже размахивая длинным, больше его роста, мечом.

Франческо задыхался в этой проклятой кольчуге. Жара не спадала, пот лился ручьями, оставляя на уставшем после тяжелого дня лице мутноватые капли.

Да, времена, никакого уважения, подумалось ему. И к тому же он устал, дьявольски устал. Уже даже не помнил, когда последний раз мылся, и ему хотелось оказаться под освежающими струями воды. Попробовал посмотреть на это с по-

ложительной стороны: теперь, по крайней мере, он войдет в Лукку как герой, и Гвиниджи примет его с полагающимися почестями. Наестся до отвала, потом заберется на какую-нибудь пышнотелую крестьянку, а может, и не на одну.

Губы его тронула улыбка. Огляделся: к нему, с трудом передвигая ноги и распахивая у себя на пути мертвых, чьей кровью было пропитано поле битвы, приближался Бартоломео д'Альвиано – ближайший соратник и правая рука Франческо.

– Мой капитан²⁷, – прошептал Бартоломео: после сражения ему не хватало дыхания, и голос его прерывался, – враг разбит.

– Я и сам вижу, мой славный д'Альвиано, и, позволь добавить, – мы хорошо потрудились сегодня, – отозвался Сфорца. – Полагаю, это собачье отродье Никколо Фортебраччо не скоро сюда сунется, – не скрывая удовлетворения, произнес он.

– Не сомневаюсь, мой капитан.

Д'Альвиано попытался изобразить улыбку, открыв ряд черных гнилых зубов – следствие его нерадивого к ним отношения и невоздержанности в вине.

– Ты-то хотя бы не пострадал?

– Ерунда: парочка царапин, ничего серьезного. Надо сказать, Фортебраччо не очень-то силен в защите.

²⁷ Капитаном (или капитаном удачи) в то время называли главу наемного войска.

– Твоя правда, мой старый друг. Знал бы раньше – даже кольчугу надевать не стал бы, – пошутил Сфорца.

– Да уж, жара адская, – вздохнул д'Альвиано.

– Как бы то ни было, и это сражение за нами. А скажи-ка мне, скольких людей мы потеряли?

– Точного подсчета пока нет, мой господин, однако с уверенностью могу утверждать – победу мы одержали полнейшую и неприятеля разгромили вчистую.

– Я держусь того же мнения. Вели предать наших воинов земле, а с неприятеля снять все ценное. Во всяком случае, то, что осталось. А я отправлюсь в авангарде к воротам Лукки. Расположусь там лагерем и буду дожидаться твоего прибытия, чтоб вместе войти в город.

Бартоломео д'Альвиано кивнул и, попрощавшись с Франческо, отправился исполнять полученный приказ.

Сфорца подозвал своего цвета корицы коня, вскочил на него.

Ему вдруг пришло в голову, что жизнь, в общем-то, не так уж плоха. И если удача от него не отвернется, через пару дней он будет спать на чистой постели.

10. Происхождение обязывает

– Я желаю сражаться, понимаешь?

– А обо мне ты подумал? Сфорца идет с войском на Фортебраччо и скоро освободит Лукку. Говорят, что всякий, кто

встает у него на пути, падает, как осенняя листва.

Пьеро посмотрел на мать. Глаза Контессины покраснели. По лицу, словно драгоценные камни, катились крупные слезы. Прекрасные алые губы дрожали от страха и обиды. Неужели она и впрямь не понимает? Он должен сражаться! Желает показать отцу и всей Флоренции, из какого теста сделан!

– Я – Медичи, как мой отец, как отец моего отца, ты это понимаешь? Однако нет во мне наклонностей ни к политике, ни к коммерции, – не таков я, матушка, как они! Подсчетов вести не умею, талантами к искусствам и политическим играм не наделен. У меня есть лишь мои руки и сердце, которое бьется для нашего народа.

Контессина, обхватив лицо руками, сидела на кровати с роскошным балдахинном и горько всхлипывала.

Пьеро повернулся к ней спиной. Ему было больно видеть слезы матери, однако он не намеревался менять своего решения. Взгляд его задержался на оранжево-красном пламени свечей. Их отблески, словно горящие язычки, затрепетали в зрачках Пьеро. Он знал, что характерами они с отцом не схожи. Как и с дядей Лоренцо. И эта мысль не давала ему покоя. Он желал доказать всем: он – Медичи. А война предоставляла такую редкую возможность. И он не мог ее упустить. Ни при каких обстоятельствах.

В конце концов, в их семье никто не пошел по военной стезе. И почему бы тогда ему не выбрать этот путь? Конечно,

сложение он имел довольно хлипкое, да и ремеслу ратному не обучался, однако неплохо владел шпагой.

Размышления его прервала вошедшая в опочивальню бабушка Пиккарда.

Контессина, завидев ее, казалось, оживилась. Подняла голову, выпрямилась, словно к ней вновь вернулось присутствие духа.

Окна в комнаты были открыты, и теплый ветерок доносил разлитые в воздухе пряные и тягучие ароматы августовского вечера. Пиккарда посмотрела на внука, потом – на красавицу-невестку, чьи покрасневшие глаза были еще полны слез.

– Что происходит? – недоуменно спросила она.

– О, мадонна Пиккарда, – начала Контессина, которая не могла упустить такой okazji и решила воспользоваться неожиданным приходом свекрови. – Пьеро не слушает меня. Он намеревается покинуть нас и отправиться сражаться со Сфорца. Однако что в том толку, спрашиваю я, коли участь Фортебраччо уже предрешена?

– Значит, по-твоему, мы должны стоять в стороне и наблюдать, как Милан захватит Лукку, а потом, глядишь, и до нас доберется?

В голосе Пьеро звучало невыразимое отчаяние.

Пиккарда глянула на внука так, будто хотела глазами метнуть в него невидимые стрелы.

– Так ли это, Пьеро?

– Что?

– Что ты желаешь завербоваться в солдаты к Фортебраччо?

– Я желаю сражаться за мой город, – произнес он твердо, и на сей раз в его словах слышался с трудом сдерживаемый гнев.

Пиккарда даже бровью не повела.

– А ты знаешь, что произошло?

Пьеро понятия не имел, о чем речь.

– Франческо Сфорца дошел до Валь-ди-Ньеволе и продвигается вперед, не встречая на своем пути почти никакого сопротивления. А несколько дней назад он расположился лагерем в Луниджане. Полагаю, нет нужды говорить, что дни Фортебраччо сочтены? И именно потому твой отец и дядя покинули Флоренцию.

От изумления Пьеро вытаращил глаза.

– Тебя это удивляет?

– Однако... И куда они направились? – только и смог вымолвить он.

Пиккарда прищурилась, так что глаза ее превратились в две светлые щелочки. Пьеро еще многому надлежит научиться. Матери бы следовало быть с ним построже, однако если Контессина не справляется, так она и сама могла взяться за воспитание внука.

– Козимо и Лоренцо отправились в Монтеспертоли к Никколо да Уццано, первейшему нашему союзнику в политических делах. Потому как надобно заручиться его поддержкой

и растолковать ему, что у Медичи нет намерения поддерживать войну, однако же и позволить Сфорца дойти беспрепятственно до Лукки тоже никак нельзя.

– И как они это сделают? – задала наивный вопрос Контессина, слушавшая свекровь с вниманием, какого могла бы удостоиться лишь мудрейшая из женщин.

Пиккарда посмотрела ей прямо в глаза. Вздохнула.

– Моя дорогая, они это сделают с помощью единственного убедительного для Сфорца средства – денег. Однако мы не знаем, сочтет ли он золотые монеты достаточно весомым аргументом. Вот почему, если им не повезет в Луниджане, Лоренцо отправится в Рим: не только проверить, хорошо ли управляют банком и какую прибыль он дает, но и чтобы при удобном случае попасть на прием к папе. По счастью, наша семья всегда пользовалась расположением понтифика, во всяком случае, с того дня, когда Джованни – очень дальновидно – решил помочь Бальтазару Коссе, впоследствии возшедшему на римский престол под именем Иоанн XXIII, а потом и нынешнему понтифику Мартину V. Удастся ли обойтись только лишь золотыми монетами? Я беспрестанно задаюсь этим вопросом и в глубине души надеюсь – да. Однако если вдруг плану Козимо не суждено осуществиться, то понтифик уж точно сможет повлиять на исход этой кровопролитной войны.

– И значит?.. – нерешительно спросил Пьеро, который прекрасно знал, что спорить с бабушкой не имеет смысла.

Последнее слово всегда оставалось за ней; и сейчас перед железным характером Пиккарды прежний пыл и горячность Пьеро, казалось, таяли, словно весенний снег в лучах яркого солнца.

– И значит, мой обожаемый внук, ты разве не видишь, что все твои благородные порывы стали бы бессмысленной жертвой? Сражения выигрываются не на поле боя, а много раньше. Помни это всегда! Ты принадлежишь к семье банкиров, политиков, людей искусства, а не вояк. Употреби во благо воспитание, данное тебе отцом: не всем выпадает удача иметь в наставниках Карло Марсуппини²⁸ и Антонио Пачини²⁹. Тебе должно быть благодарным родителю, что имеешь возможность науки и искусства постигать, а потому каждое мгновение жизни следует тратить с пользой, что означает – перенимать и изучать. Придет день, когда ответственность за семью Медичи ляжет на твои плечи, вот тогда ты, так много получивший, должен будешь и взамен что-то дать!

Пиккарда – словно хотела, чтобы внук запомнил ее слова, – подняла для пущей выразительности указательный палец. Была в ней такая несгибаемая твердость характера и такая непререкаемая строгость, что она смогла во мгновение

²⁸ *Карло Аретино Марсуппини* (1399–1453) – итальянский гуманист родом из Ареццо, жил во Флоренции, был профессором латинского красноречия и греческого языка, потом – канцлером Флорентийской республики.

²⁹ *Антонио Пачини* (начало XV века – 1489) – итальянский гуманист, родился в Кастельвеккьо-ди-Тоди, жил во Флоренции, где преподавал в университете риторику; переводчик Плутарха.

ока урезонить юношу.

Контессину, молчавшую все это время, переполняло восхищение свекровью.

Прошло всего несколько месяцев после смерти Джованни, однако, казалось, потеря любимого мужа не только не сломила Пиккарду, а напротив – с каждым днем она делалась все сильнее.

– А сейчас займись вечерним туалетом и укладывайся спать, – произнесла она напоследок, обратившись к Пьеро. – А мы станем молиться Всевышнему, дабы переговоры твоего отца имели благоприятный исход.

11. Триумф

Восседая на своем великолепном скакуне цвета корицы, Франческо Сфорца, гордо выпятив грудь, торжественно въезжал в Лукку. И хотя все тело его болело, да и усталость последних дней, проведенных в сражениях, давала о себе знать, капитан старался этого не показывать и буквально светился радостью. Его длинные, мокрые от пота волосы и сверкающие, богато украшенные чеканкой доспехи переливались в лучах нещадно палящего солнца. Как бы ему хотелось снять их и остаться в одной тунике: Франческо с трудом переносил жару. Однако ему хорошо заплатят. Военное ремесло требовало зрелищности, а победа – справедливо заслуживала пышности. А пышность принуждала к неболь-

шим жертвам. Это триумфальное шествие было необходимо, а посему приходилось стискивать зубы... и потеть.

По мнению Паоло Гвиниджи, единоличного властителя Лукки и человека, нанявшего Сфорца, именно зрелища страстно желал народ.

И действительно: жители стекались вереницами по узким улочкам города, заполняли площади, толкались в тесных проулках, размахивали белыми и красными – цвета города – кусками материи; и, признаться, созерцание этой ликующей толпы пьянило и будоражило капитана.

Гарцевавший во главе колонны рядом с Франческо Сфорца Бартоломео д'Альвиано смотрел по сторонам, не зная, на чем остановить взгляд.

Из узких окошек домов-башень дамы благородного сословия кидали цветы и шептали едва слышно любовные призывы; пополанки, выставя напоказ белые груди и бросая многообещающие взгляды, вопили, словно пышность шествия ударила им в голову; мужчины восторженно выкрикивали имя освободившего их от ига флорентийцев Сфорца. Дети, сидящие на плечах у отцов, с вытаращенными от изумления глазами разглядывали парадный наряд капитана, возглавляющего войско победителей.

Если бы они знали, чем на самом деле ему приходилось заниматься, подумал Франческо. Хватать и убивать из-за спины – вот его ремесло. Играть грязно всегда и при любых обстоятельствах. На войне не существовало правил и прили-

чий, только изворотливость и хитрость, дабы спасти свою шкуру. И капитан это прекрасно знал. С помощью подкупа и обмана он выиграл намного больше сражений, нежели мерясь силой в честном бою. Однако сейчас это не имело ровно никакого значения. Да и к тому же, когда доходило до рукопашной, он уж точно в кустах не прятался.

По правде говоря, он вообще никогда не прятался и не отступал.

Для него жители Флоренции и Лукки, Сиены и Пизы являлись собой всего лишь стаю бешеных псов, единственной целью жизни которых было перегрызть друг другу глотки во имя какой-то самозванной гегемонии, которую ни одним, ни другим не удавалось навязать соседям.

Восторженные крики толпы оглашали округу. Бело-красные, сморщенные от нестерпимой жары августовского дня штандарты Лукки застыли в неподвижном воздухе.

В этом хаосе и неразберихе под нещадно палящим солнцем Франческо и Бартоломео, гордо выпятив грудь, проследовали во главе колонны по городу и наконец оказались у цитадели; неприступная крепость с двадцатью девятью башнями, ворота которой охраняли вооруженные стражники в бело-красных – цветах синьории Лукки – доспехах, высилась перед ними во всей своей мощи и величии.

– Однако, – вырвалось у д'Альвиано, – весьма странно: правитель города, а прячется от своих жителей за высокими стенами.

– Его дни уже сочтены, – тихо произнес Франческо Сфорца. – Знаешь, как его называют?

– Нет, и как? – отозвался Бартоломео.

– Женоубийца, – ответил Сфорца.

– Любопытное прозвище... И почему же?

– Потому, что за двадцать лет он сменил четырех жен: Мария Катерина дельи Антельминелли, выданная замуж в одиннадцать лет, умерла сразу после родов; Илария дель Карретто тоже оставила этот мир, родив второго сына; потом Пьячентина да Варано и Якопа Тринчи.

– Господи всемогущий, прямо гекатомба³⁰ какая-то.

– Так и есть. Теперь понимаешь, с кем приходится иметь дело? С ядовитым змеем, это я тебе говорю. Потому, мой славный друг, предоставь разговоры мне, – боюсь, что сражаться придется за каждый дукат. По этой причине ставлю тебя в известность, что сегодняшним же вечером на берег Серкьо в наш лагерь пожалуют посланники Флоренции. Они придут ко мне с предложениями. Потому еще раз прошу: будь нем, как рыба.

– Посланники из Флоренции? – недоверчиво спросил д'Альвиано.

– Козимо де Медичи.

– Никак не меньше!

– А ты как думал.

³⁰ Бессмысленное и жестокое истребление людей, сравниваемое с древнегреческим жертвоприношением, в ходе которого убивали сто быков.

С этими словами Франческо Сфорца направился к воротам цитадели. Д'Альвиано и его люди проследовали за ним, и вскорости все они скрылись за массивными крепостными воротами, которые тотчас же опустились за их спинами, оставив празднующих победу горожан и наполненный восторженными и ликующими криками воздух Лукки за толстыми, непроницаемыми стенами.

– О, мои славные друзья, – обратился хозяин дома Паоло Гвиниджи к Франческо Сфорца и Бартоломео д'Альвиано, встречая их в зале синьории. Необычайная радость, звучавшая в голосе, вовсе не вязалась с нахмуренным лицом, которому кудрявая, заостренная борода еще более придавала схожести с хищным стервятником.

Наряд его состоял из роскошной, короткой казакки³¹ темно-синего цвета, богато украшенной серебряными лентами и тесьмой и повязанной в талии изысканным шелковым кушаком. Гвиниджи их ждал.

– Мой драгоценнейший господин, как поживаете? – спросил Франческо Сфорца.

– Хорошо, особенно когда имею честь принимать вас в моем скромном жилище. Полагаю, Флоренция теперь поумерит свой захватнический пыл и поостережется нападать

³¹ *Казакка* – предмет мужского костюма, представляющий собой наглухо застегивающуюся просторную прямую куртку, сшитую чаще из кожи, которую обычно носили военные.

на Лукку.

– Полностью согласен, – подтвердил Сфорца. – Никколо Фортебраччо потерпел столь сокрушительное поражение в Луниджане, что теперь и близко не подойдет к городу, – по крайней мере, пока вас защищаю я.

– Святая правда, – воскликнул Гвиниджи, устремив указательный палец к небу, будто на него только что снизошло божественное озарение, – именно в этом суть! Потому как, мой славный друг, я могу спать спокойно, только пока вы стоите на подступах к Лукке. Ведь, несмотря на воодушевление, какое вы имели возможность наблюдать, большой любовью народа я не пользуюсь!

– Ужели это правда? – притворно удивившись, спросил Сфорца.

Паоло Гвиниджи, казалось, не заметил довольной ухмылки, которую позволил себе капитан, и продолжил как ни в чем не бывало.

– Неблагодарные! – с легким оттенком отвращения в голосе воскликнул он. – Я не покладая рук, днями и ночами тружусь на их благо, заказываю произведения искусства, построил эту неприступную крепость, дабы защитить их, и... вот благодарность!

– Вы построили ее для них или для себя, мой господин?

Сфорца не намеревался отказывать себе в удовольствии, а потому не преминул поддеть хозяина дома.

Гвиниджи уловил иронию и, будучи человеком остроум-

ным, не мог позволить, чтобы реплика Франческо осталась без ответа, а потому глубокомысленно и тонко подметил:

– Бросьте, капитан: господин, народ – ну разве сие не одно и то же?

– Разумеется, разумеется, – согласился Сфорца и перешел к сути. – Следовательно, вы могли бы, согласно нашим договоренностям и соглашениям, уплатить мне остаток в десять тысяч дукатов и добавить столько же в качестве задатка в счет моих будущих услуг? Я потерял по меньшей мере сотню из моих людей, а защита, как вам известно, дело весьма затратное.

– Долг платежом красен, – незамедлительно отозвался Паоло Гвиниджи. Щелкнул пальцами, и в зале тотчас же появились двое мужчин: они внесли массивный сундук и поставили его перед капитаном наемников.

– Мессеры, – торжественно начал правитель Лукки, – полюбуйтесь: десять тысяч золотых дукатов. Вы их заработали.

Бартоломео д'Альвиано, увидев открытый сундук, доверху наполненный переливающимися на свету монетами, застыл, словно ослепленный сиянием.

Однако не таков был Франческо Сфорца, чтобы довольствоваться крохами.

– Хорошо. Мы в расчете. Однако же оплата касалась работы выполненной, а как мы поступим с нашими уговорами на будущее?

– Что-что?

– Вы отлично поняли.

Лицо Гвиниджи скривилось в некоем подобии улыбки – скорей, в злобной ухмылке, которая вполне натурально выглядела бы на мордочке выслеживающей жертву кунницы.

– Десять тысяч дукатов в залог будущего спокойствия? Не вытаскивая пока даже шпаги из ножен? Бросьте, капитан, даже в прошлый раз вы не просили так много. Вам не кажется, что ваши требования непомерны?

– Значит, вы намерены торговаться, подвергая опасности не только свою жизнь, но и жизнь вашего народа? Вам лучше меня известно: флорентийцы в скором времени оправятся от поражения и вернутся, дабы взять город. Возможно, пошлют не Фортебраччо, а кого-то другого. Однако то, что они найдут человека, способного возглавить кучку головорезов, готовых в обмен на пару золотых монет на все, сомнений не вызывает. Вы и вправду желаете подвергнуть себя такому риску?

Паоло Гвиниджи вздохнул.

Выражение его лица говорило лучше всяких слов, – наконец, с видом крайнего недовольства, процедил сквозь зубы:

– Пять тысяч. И еще пятнадцать тысяч после того, как все будет кончено. Однако я более не желаю видеть ни одного флорентийца в окрестностях моего города.

Сфорца наклонил голову, посмотрел исподлобья на хозяйина дома.

– Пять тысяч, конечно, лучше, чем ничего. Однако, по-

вторую, этого слишком мало. Ну да ладно, придется пока как-то обойтись.

– Уж не откажитесь, прошу покорнейше, а я на этом самом месте даю вам слово, что поднимаю ставку и при полном расчете уплачу еще двадцать тысяч дукатов. Вам известно, как глубока моя преданность герцогу Миланскому.

– Глубока, как ваша казна, мой господин. – Говоря это, Франческо Сфорца обвел глазами зал: стены, покрытые яркими, сияющими фресками, изображающими времена года, парадные доспехи и шпаги, комоды и шкафы франко-фламандской работы, изящно инкрустированные гроздьями винограда, с великолепной отделкой из кованого железа. Пара триптихов, выполненных на скрепленных петлями деревянных досках, и наконец, в самом центре зала, огромный, безупречно накрытый стол, уставленный фарфоровой посудой, с массивными столовыми приборами из золота, роскошными кубками, а вокруг стола – двенадцать резных, украшенных искусной росписью высоких стульев. Освещали зал изумительные, спускающиеся с потолочных балок люстры из кованого железа с двенадцатью свечами каждая.

Признаться, для ненавидимого своим народом тирана Паоло Гвиниджи жил на широкую ногу. А все благодаря таким, как Сфорца, капитанам удачи, делающим за них всю грязную работу и рискующим на каждом шагу получить удар шпагой.

– Не правда ли, эти фрески Приамо делла Кверчи³² необы-

³² *Приамо делла Кверчи* (ок. 1400, Лука (?)) – ок. 1467, Вольтерра) – итальян-

чайно хороши? На них, как вы можете видеть, изображены времена года. — В медоточивом голосе Гвиниджи сквозили спесь и высокомерие. — А сейчас, пока мои люди готовят, как мы и уговорились, пять тысяч дукатов, приглашаю вас отобедать. Надеюсь, вы не откажетесь составить мне компанию.

Не дожидаясь ответа, Паоло Гвиниджи взял со стола маленький золотой колокольчик и потряс им с такой силой, словно хотел, чтобы тот разлетелся на куски.

В ту же минуту в зал явились ключник, а с ним целый отряд смотрящих над напитками и съестными припасами: стольник, чтобы подавать блюда, подстолий — принимать их у прислуги, виночерпий — разливать вино, а еще совринтендант по винам и хранитель винных погребов.

По очереди, как хорошо обученные псы, слуги подробнейшим образом доложили, какие блюда и, разумеется, вина будут подаваться; после нескончаемо долгих описаний разного сорта прошутто и салями, всевозможных яств с диковинными начинками и соусами, разнообразнейших пирожков, мяса, жареного на вертеле, томленного и запеченного, сыров, фруктов и сладостей, д'Альвиано готов был достать шпагу и отправить к праотцам весь этот трапезный секстет.

Сфорца посмотрел на него с сочувствием и ободряюще кивнул, призывая держаться.

Когда же наконец каждый из шести слуг закончил свой

увлекательнейший рассказ о кулинарных изысках, которые предстояло отведать Паоло Гвиниджи и его сотрапезникам, правитель Лукки пригласил гостей к столу.

Не заставивший себя ждать Франческо Сфорца, усаживаясь на стул, формой и размерами более напоминающий трон, подумал, что, если разобраться, вся эта поражающая воображение и так сладко обволакивающая роскошь – произведения искусства, наряды, обивка, мебель, люстры, фрески, изысканная еда и редкие вина, – несомненно, украшала существование, однако в то же время являлась ядом, от которого даже сильный человек мог разомлеть и превратиться в подобие хлебного мякиша, неспособного защитить ни себя, ни своих подданных, а Франческо такая перспектива вовсе не привлекала.

А потому, приступив к великолепной трапезе, состоящей из нескончаемой перемены блюд, которые заботливо подносили господские слуги, испытал двойное удовлетворение.

Кому, как не ему, было знать, что это пиршество – всего лишь приятная передышка перед важными переговорами, которые ему предстояли. Франческо мысленно пожелал себе удачи. Потому как, ежели бы Гвиниджи заподозрил его в двойной игре, добром бы это точно не кончилось. Разумеется, он не горел желанием перерезать горло своему Амфитриону³³

³³ Радужный хозяин; восходит к персонажу древнегреческой мифологии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.